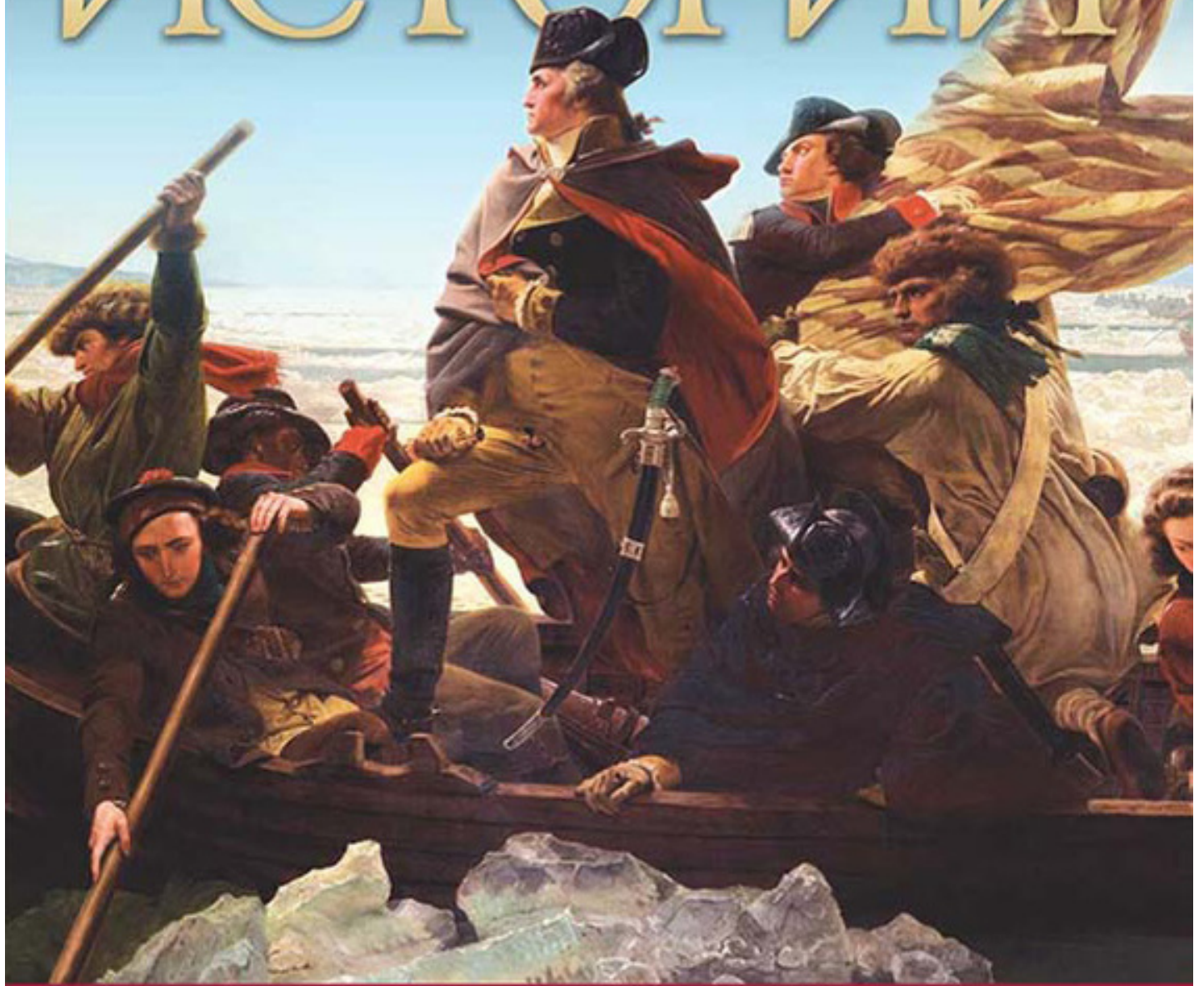

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ — «ВЛАСТИТЕЛЬ МИРА» • ЧИНГИСХАН
И ЕГО ИМПЕРИЯ • ВАШИНГТОН И ФРАНКЛИН. СОЗДАНИЕ США
• РОБЕСПЬЕР И ДАНТОН. РОЖДЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
• ЛЕНИН, СТАЛИН. СОЗДАНИЕ СССР И ПЕРЕДЕЛ ЕВРОПЫ
• ЖАБОТИНСКИЙ, БЕН-ГУРИОН, ГЕРЦЛЬ. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ

Загадки истории (Фолио)

Мария Згурская
Отцы-основатели

«Фолио»

2016

Згурская М. П.

Отцы-основатели / М. П. Згурская — «Фолио», 2016 — (Загадки истории (Фолио))

ISBN 978-966-03-5147-9

История человечества знает немало великих людей, которые стали отцами-основателями огромных государств. Так, Александр Македонский создал величайшую империю древности, которая, однако, не пережила своего создателя. Робеспьеру и Дантону было далеко до Александра Великого, но сегодня во Франции – уже Пятая Республика. Вашингтон и Франклин, безусловно, были выдающимися людьми, но это ли предопределило судьбу созданного ими государства? Что является залогом успешности государства: обстоятельства создания, личности отцов-основателей или что-то еще, не видимое на первый взгляд? Рассказывая об отцах-основателях величайших держав древности, средневековья и современности, мы попытаемся найти ответы на эти вопросы. Китайцы говорят, что судьба страны написана на лице ее правителя. Не будем столь категоричны, но постараемся понять, зависит ли судьба государства от личности того, кто стоял у его истоков.

ББК 63.3

ISBN 978-966-03-5147-9

© Згурская М. П., 2016

© Фолио, 2016

Содержание

Александр Македонский – «властитель мира»	6
Начало пути	7
Смерть Филиппа	11
Александр и греческие города	12
Триумфальное шествие начинается	14
Настоящий полубог	16
Здесь остановился Александр	19
Судьбы империи	21
Посреди своего времени	23
Почему Александр смог завоевать мир?	25
Победы на поле «страсти нежной»	30
Приобщенный к тайным знаниям	34
Странная смерть Александра Македонского	37
Тайна гробницы Александра Великого	39
Пропавший флот Александра Македонского	40
Чингисхан и его империя	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мария Павловна Згурская
Загадки истории
Отцы-основатели

Серия «Загадки истории» основана в 2007 году

© М. П. Згурская, 2016

© О. Н. Иванова, художественное оформление, 2016

© Издательство «Фолио», марка серии, 2007

* * *

Александр Македонский – «властитель мира»

*Не может быть двух солнц на небе и двух владык на земле.
Александр Македонский*

*Непоколебимое основание государства – справедливость.
Пиндар*

Фигура Александра III Македонского (356–323 гг. до н. э.), правителя Македонии и Древней Греции, а затем мировой империи, привлекала внимание во все времена. Огромная держава, созданная в результате завоеваний Александра Македонского, простиралась на тысячи километров от Дуная до Инда и была самым крупным государством Древнего мира.

Однако об этой легендарной личности, несмотря на, казалось бы, подробную биографию, изложенную Плутархом, мы, в сущности, знаем мало.

Как Александру Македонскому удалось всего за несколько лет (334–323 гг. до н. э.) совершить невозможное – создать величайшую империю античного мира? На этот вопрос существует множество ответов, и с течением времени гипотез, предположений и теорий становится все больше.

Его жизнь оказалась очень короткой, однако ее хватило на то, чтобы создать державу, величайшую из всех существовавших ранее.

В 20 лет – Александр взойшел на трон Македонии;

в 25 лет – завоевал Персидскую империю и часть Индии;

в 32 года – 13 июня 323 г. до н. э., в самом расцвете сил, в месопотамском городе Вавилоне Александр внезапно умер при неясных обстоятельствах.

Но причины, побудившие его броситься в столь неслыханную авантюру, мечты и цели, двигавшие им в продолжение этой военной, политической и религиозной эпопеи, остаются во многом предметом догадок.

К тому же информации из первых рук на этот счет не существует, и наша осведомленность, как известно, опирается в основном на греческие и латинские сочинения, составленные через много веков после событий, прежде всего – на исторические и географические труды Арриана, Плутарха, Курция Руфа, Диодора Сицилийского, Помпея Трога, Страбона и некоторых других авторов. Историю жизни Александра Македонского современные исследователи реконструируют сложным путем исторической критики.

Начало пути

Итак, как говорили древние римляне, начнем *ab ovo*. Александр Македонский родился в июле 356 года до н. э. в столице Македонии Пелле от брака македонского царя Филиппа и царицы Олимпиады.

По легенде, это произошло в тот день, когда Герострат поджег Храм Артемиды Эфесской, одно из семи чудес света. Уже во время походов Александра распространилась легенда, будто персидские маги интерпретировали этот пожар как знамение будущей катастрофы для их державы. Что ж, человечеству не привыкать к легендам и знамениям, которые всегда сопровождают рождение и жизнь великих людей. Поэтому удачно совпавшую с этим событием дату рождения Александра ученые считают выдуманной.

Итак, точный день рождения Александра неизвестен. Часто таковым называют 20 июля, поскольку, по Плутарху, Александр родился «в шестой день месяца, который у македонян называется лой». Другие говорят о дне гекатомбеона – о 15 июля, но и эта дата бездоказательна. А вот по свидетельству Аристобула, записанного Аррианом, известно, что Александр родился осенью. Кроме того, Демосфен, который был современником царя, считал, что македонский месяц лой на самом деле соответствовал аттическому боздромиону (сентябрь и октябрь). Поэтому нередко в качестве даты рождения называется период с 6-го по 10 октября.

В Древней Греции все знатные, в особенности царские, роды претендовали на происхождение от богов или героев. Македонские цари вели свою родословную от Геракла – сына греческого бога Зевса от смертной женщины Алкмены. А по материнской линии Александр Македонский мог считаться прямым потомком Ахилла, героя легендарной Троянской войны, воспетого Гомером.

Про мать Александра прежде всего известно то, что она принимала активное участие в существовавших тогда религиозных ритуалах. Плутарх об этом сообщает следующее: «Издревле все женщины той страны участвуют в орфических таинствах и оргиях в честь Диониса».

В этой религиозной практике не было ничего необыкновенного. Однако Олимпиада, по его словам, «ревностнее других была привержена этим таинствам и неистовствовала совсем по-варварски; во время торжественных шествий она несла больших ручных змей, которые часто наводили страх на мужчин». Плутарх и другие писатели древности называют это причиной размолвки между Филиппом и Олимпиадой, приведшей к тому, что царь оставил царицу: «Однажды видели змея, который лежал, вытянувшись вдоль тела спящей Олимпиады. Говорят, что это больше, чем что-либо другое, охладило влечение и любовь Филиппа к жене, и он стал реже проводить с ней ночи, то ли потому, что боялся, как бы женщина его не околдовала или же не опоила, то ли считая, что она связана с высшим существом, и потому избегал близости с ней».

В более приземленной формулировке последняя мысль могла прозвучать в виде вопроса о том, кто же является «настоящим» отцом Александра: царь Филипп или же скрывающееся в обличье змеи божество?

Впоследствии Александр Македонский широко эксплуатировал выигрышную тему своего сверхъестественного происхождения. Якобы, провожая Александра в персидский поход, Олимпиада открыла сыну тайну его необычного рождения.

Впрочем, есть и совсем другие свидетельства. Согласно им, Олимпиада протестовала против утверждения, что родила ребенка не от мужа. Как пишет все тот же Плутарх, «Олимпиада опровергала эти толки и восклицала нередко: “Когда же Александр перестанет оговаривать меня перед Герой?!”» (Греческая богиня Гера, супруга Зевса, считалась покровительни-

цей брака.) Если же эта легенда и имеет какие-то основания, то скорее всего они относятся к другому периоду жизни Олимпиады. Царь Филипп явно считал Александра своим сыном.

И все-таки наибольшее влияние на маленького Александра оказала его мать. Отец занимался войнами с греческими полисами, и большую часть времени ребенок проводил с Олимпиадой. Вероятно, она старалась настроить сына против Филиппа, и у Александра сформировалось двойственное отношение к отцу: восхищаясь его рассказами о войне, он в то же время испытывал неприязнь к нему из-за отношения матери.

В Александре с раннего детства увидели много талантов. Благодаря этому он рано был признан наследником дела отца, а Олимпиада стала самой влиятельной из по меньшей мере, шести жен Филиппа. Впрочем, Александр мог быть единственным сыном Филиппа, достойным наследовать его царство. Дело в том, что, по свидетельству античных авторов, его брат Филипп (впоследствии известный как Филипп III Арридей) был слабоумным. Других достоверно известных сыновей у Филиппа не было, или, по крайней мере, ни один из них не был готов управлять царством отца к 336 году.

Александра с раннего детства готовили к дипломатии, политике, войне. Он в 10-летнем возрасте укротил Буцефала, жеребца, от которого по причине строптивости отказался было царь Филипп. Плутарх писал о характере Александра: «Филипп видел, что Александр от природы упрям, а когда рассердится, то не уступает никакому насилию, но зато разумным словом его легко можно склонить к принятию правильного решения; поэтому отец старался больше убеждать, чем приказывать».

Воспитателями и наставниками Александра были родственник по линии матери Леонид, к которому он сохранил глубокую привязанность в зрелом возрасте, несмотря на строгое спартанское воспитание в детстве; шут и актер Лисимах, а с 343 г. до н. э. – величайший греческий философ Аристотель.

Как сообщает Плутарх, за обучение сына царь Филипп, пригласивший философа, расплатился с Аристотелем прекрасным и достойным способом: «Филипп восстановил им же самым разрушенный город Стагиру, откуда Аристотель был родом, и возвратил туда бежавших или находившихся в рабстве граждан».

Выбор в качестве наставника именно Аристотеля был не случаен – тот был близок к македонскому царскому дому, а также хорошо знаком Гермия, тирану Атарнея, который поддерживал дружеские отношения с Филиппом.

Под руководством Аристотеля, сделавшего акцент на изучении этики и политики, Александр получил классическое греческое образование, ему привили любовь к медицине, философии и литературе. Хотя все греки читали классические произведения Гомера, Александр изучал «Илиаду» особенно усердно, поскольку его мать, как уже говорилось, возводила свое происхождение к главному герою этого эпоса Ахиллу. Впоследствии он часто перечитывал это произведение. Также известно о хорошем знании Александром «Анабасиса» Ксенофонта, произведений Еврипида, поэтов Пиндара, Стесихора, Телеста, Филоксена и других.

Для занятий и бесед Аристотелю и Александру вместе с другими знатными юношами Филипп отвел неподалеку от города Миезы рошу, посвященную нимфам. В этом замечательном факте угадывается не столько связь Македонии с греческой культурой, сколько... желание такой связи. Страна македонских царей была наполовину варварской окраиной греческого мира – диким местом, пояснял Демосфен, где нельзя купить даже порядочного раба. Кстати, выбор удаленного от столицы места, вероятно, был связан с желанием удалить ребенка от властной матери.

Наличие свободы – вот главное, что отличало греков от варваров. Аристотель и афинский оратор Исократ авторитетно утверждали, что «раб и варвар по своей природе – понятия тождественные», что подданные Персидской империи, в отличие от граждан греческих государств,

«в душе низки и полны раболепного страха». «Стремясь унижить себя любым способом, они преклоняются перед смертным человеком», своим царем, чего заслуживают только боги.

Идеал свободы по-эллински подразумевал желанный для греков тип общественного устройства – коллективы граждан, самостоятельно решающих свою судьбу. Греческий мир не был одной страной и не стремился ею быть. Он складывался из множества вполне или относительно самостоятельных, небольших или совсем маленьких государств, которые могли объединиться перед лицом общего врага, например, тех же персов. По факту такого объединения неизбежно ставился вопрос о том, кто же будет главным. Афины, Фивы или Спарта соглашались действовать во имя Греции, но не под чужим руководством.

Мотив обличения персидского деспотизма как полной противоположности греческой свободе не был случайным. Свои политические идеалы, равно как и мысль о единстве Эллады перед лицом персов, греки вынесли из греко-персидских войн первой половины V века до н. э. Разрозненные в политическом отношении, непохожие во многом на других, греческие племена связывала память об общем прошлом. Центральная фигура воспоминания – история коалиции, панэллинского сплочения против врага на Востоке. Сама мысль о коалиции Европы против Азии навеяна конечно же героическим эпосом Гомера «Илиадой».

Повествование о Троянской войне воспринималось эллинами как история, а не как миф или художественный вымысел. На основании этого эпического текста они, по всей видимости, стремились осознать себя как один народ, единое целое.

Александр, еще в детские годы отличавшийся от сверстников, был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолюбие же его было безгранично. Равнодушный к богатству, он неистово завидовал славе отца и мечтал о блестящих подвигах. Как мы уже упоминали, «Илиада» была его любимой книгой. Под влиянием Аристотеля Александр также ценил и уважал философов.

Но в еще большей степени его менталитет и самосознание, как и у всякого грека, формировали драматические и героические страницы истории нашествия на греческий мир персидского царя Ксеркса в 480 году до н. э., почти за полтора столетия до Александра Македонского. Из патриотического убеждения в моральной правоте и образцовом общественном устройстве эллинов в конце концов вытекали – едва ли справедливые – соображения о непрочности персидского государства и легкости завоевания Персии.

Поэтому с середины IV века до н. э. идею завоевательного похода на Восток развивали многие греческие писатели. Возможность прибрать к рукам чужое у них соединялась с понятием долга отомстить историческому врагу за пепел сожженных городов и поруганные святыни Эллады. Война с персами казалась им выходом из бесконечных войн самих же греков с греками. «Перенесем богатства Азии в Европу, а бедствия Эллады – в Азию», – обращался оратор Исократ к македонскому царю Филиппу, видя в нем потенциального лидера Греции, способного повести ее на Восток.

Но немало других жителей греческих полисов расценивали стремительный рост македонского влияния как угрозу свободе. Так, Демосфен обрушивал на Филиппа свои филиппики, ставшие нарицательным названием разоблачительных речей.

В 16-летнем возрасте Александр был назначен правителем Македонии под надзором полководца Антипатра, когда Филипп осаждал Византий. Возглавив оставшиеся в Македонии войска, Александр подавил восстание фракийского племени медов и создал на месте фракийского поселения город Александрополь (по аналогии с Филиппополем, который его отец назвал в свою честь).

А спустя два года, в 338 г. до н. э., в битве при Херонее Александр продемонстрировал личное настоящее мужество и навыки полководца, возглавляя под присмотром опытных военачальников левое крыло македонского войска. После победы македонцев над союзными силами греческих городов во главе с Афинами, одержанной при Херонее, собравшийся в

Коринфе общегреческий конгресс фактически подтвердил политическое верховенство Македонии в Греции.

Конгресс объявил войну персам, назвав царя Филиппа вождем военного похода в Азию. Почти вся Эллада, за исключением Спарты, обещала пойти за ним. Возмездие персам стало одной из названных целей будущей войны, ее вполне официальной программой. Столь же откровенно греки признавались и в собственном экспансионизме. Помимо отмщения за оскверненные и преданные огню греческие святыни, общегреческая война против Персидского царства имела и другую цель – она должна была присоединить к греческому миру азиатский берег Эгейского моря.

Смерть Филиппа

Летом 336 года до н. э. Филипп Македонский был сражен рукой убийцы (своим телохранителем Павсанием) во время празднеств по случаю свадьбы дочери.

Обстоятельства убийства не совсем ясны, и исследователи часто указывают на возможность участия в заговоре разных заинтересованных лиц, которые стали врагами Филиппа вследствие его агрессивной политики. Самого Павсания схватили и тут же убили люди из свиты Александра, что иногда трактуется как желание будущего царя скрыть истинного заказчика нападения.

В причастности к этому злодеянию, по сообщению греческого историка Арриана, Александр впоследствии обвинял персидского царя Дария: «Отец мой умер от руки заговорщиков, которых сплотили вы, о чем хвастаетесь всем в своих письмах».

Этот факт, скорее всего, вполне может быть правдой. Защита греческой свободы от Македонии щедро оплачивалась персами. Персидское участие в делах Эллады традиционно выражалось в финансировании нужных политических проектов. У всей вольнолюбивой Греции, до героя своей «антимакедонской партии» Демосфена включительно, звенело в карманах персидское серебро.

Историки древности и наших дней одинаково высоко оценивают царя Филиппа. Сравнивая отца и сына, римский автор Помпей Трог находит такие слова: «Способы побеждать у того и другого были различны. Александр вел войну открыто. Филипп пользовался военными хитростями. Он радовался, если ему удавалось обмануть врагов. Александр – если удавалось разбить их в открытом бою... Благодаря этим чертам характера отец заложил основы мировой державы, а сын закончил дело».

Македонское войско, хорошо знавшее и видевшее Александра в сражениях, провозгласило его царем (вероятно, по указке Антипатра). Впрочем, как уже говорилось, из всех детей Филиппа II только Александр был достоин трона.

Александр и греческие города

Итак, Александр был провозглашен царем и благодаря поддержке ближайших соратников смог устранить всех возможных претендентов на македонский престол. При вступлении на трон он первым делом расправился с предполагаемыми участниками заговора против его отца, а также, по македонской традиции, с другими возможными соперниками. Как правило, они обвинялись в заговоре и действиях по заданию Персии – за это, например, казнили двух принцев из династии Линкестидов (Аррабая и Геромена), представлявшей Верхнюю Македонию и претендовавшей на македонский трон. Впрочем, третий из Линкестидов был зятем Антипатра, и потому Александр приблизил его к себе. В то же время он казнил своего двоюродного брата Аминту и оставил свою единокровную сестру Кинану вдовой. Аминта представлял «старшую» линию Аргеадов (от Пердикки III) и некоторое время в младенчестве номинально правил Македонией, пока его не отстранил опекун Филипп II. Наконец, Александр решил ликвидировать и популярного полководца Аттала – его обвинили в измене и переговорах с афинскими политиками.

Знать и македонский народ Александр привлек на свою сторону отменой налогов. При этом казна после правления Филиппа была практически пуста, а долги достигали 500 талантов.

При известии о смерти Филиппа многие его недруги попытались воспользоваться возникшей сложной ситуацией: восстали фракийские и иллирийские племена, в Афинах активизировались противники македонского господства, а Фивы, Аргос, Спарта и некоторые другие греческие полисы отказались признавать Александра своим гегемоном и попытались изгнать оставленные Филиппом гарнизоны и ослабить влияние Македонии.

Смерть Филиппа, казалось, обнаружила непрочность возведенной им политической конструкции. Но уже в первые месяцы царствования юный македонский царь Александр взял инициативу в свои руки, а стремительный поход македонских войск в центральную Грецию вынудил греков подтвердить права Александра.

Так же стремительно и жестоко он подавил вспыхнувшее с новой силой сопротивление греков и подвластных Македонии фракийских и иллирийских племен. Возвратившись в Македонию, Александр весной 335-го до н. э. отправился в поход против иллирийцев, горных фракийцев и трибаллов. Сопротивление фракийцев ему удалось сломить у горы Эмон, трибаллов обратить в бегство в трех переходах от Истра, а враждебных царей иллирийцев вынудить бежать на север Иллирии.

Тем временем в Греции распространился слух, что македоняне разгромлены, а сам Александр погиб. В Фивах началось восстание против македонского гарнизона; его поддержали Афины и города Пелопоннеса.

Всего за 13 дней войско македонян совершило переход из Фракии к Фивам. Восставшему городу были предложены мирные условия сдачи, но фиванцы отказались, и Александр взял город штурмом. Кроме убитых на улицах города, более 30 тысяч жителей были проданы в рабство (примечательное исключение Александр сделал для потомков поэта Пиндара), а сам город был срыт до основания.

После ужасной расправы с Фивами другие греческие города, в том числе и Афины, отправили послов с просьбой о помиловании. Александр миролюбиво пошел им навстречу, отказавшись даже от своего требования выдать лидеров антимакедонской партии (например, оратора Демосфена в Афинах). Войны удалось избежать, и Александр в качестве преемника Филиппа организовал Панэллинский конгресс в Коринфе, на котором был подтвержден ранее заключенный договор с греками.

Договор декларировал полный суверенитет греческих полисов, самостоятельное решение ими внутренних дел, право выхода из соглашения. Для руководства внешней политикой

греческих государств создавался общий совет и вводилась «должность» гегемона эллинов, обладающего военными полномочиями. Кроме того, Александр добился своего избрания главой Фессалийского союза и Дельфийской амфикистии.

Все эти военные акции Александра были только приготовлением к большому походу, который намечался против Персидского царства, и конгресс в Коринфе еще раз принял решение о войне с персами.

К этому времени относится и знаменитая сцена с Диогеном, пересказанная бесчисленное число раз множеством писателей. После энергичных военных мер македонского царя, вернувших ему влияние в Греции и ожививших планы войны в Азии, многие известные люди поспешили засвидетельствовать ему свое почтение. Когда Александр Македонский был недалеко от Коринфа, он предположил, что так же поступит и философ Диоген.

Но, не дождавшись знаков внимания, царь сам отправился к философу. Диоген лежал и грелся на солнце. Поздоровавшись, царь спросил Диогена, нет ли у него какой-нибудь просьбы. «Отступи чуть в сторону, – ответил тот, – не заслоняй мне солнце».

Вскоре Александр посетил и Дельфы, однако там его отказались принять, ссылаясь на неприступные дни. Но царь нашел пифию (прорицательницу) и потребовал, чтобы она предсказала его судьбу, и та в ответ воскликнула: «Ты непобедим, сын мой!».

Триумфальное шествие начинается

Итак, официально целью похода в Азию было отмщение персам за поруганные греческие святыни, и Александр как глава Панэллинского союза начинал эту войну от имени всех греческих полисов. Говоря о причинах похода Александра против персов, историк Арриан цитирует письмо Александра к персидскому царю Дарию: «Ваши предки вторглись в Македонию и остальную Элладу и наделали нам много зла, хотя и не видели от нас никакой обиды. Я, предводитель эллинов, вступил в Азию, желая наказать персов».

Строго говоря, большая часть Греции царя Македонии об этом не просила. Но сам 22-летний полководец считал себя новым Ахиллом и вынашивал идеи об установлении мирового господства, решив стать царем Азии и превратить ее в центр своей державы. Для этого нужно было сокрушить Ахеменидскую империю Дария III Кодомана.

Македонии в этом новом государстве отводилась второстепенная роль, и потому Александр, собираясь в поход, щедро раздавал пожалования своим приближенным и простым солдатам. Это позволило ему увеличить число служилой знати и частично покрыть расходы, связанные с увеличением армии.

В Македонии наместником был назначен Антипатр, который должен был следить за исполнением союзнических обязательств со стороны греков, а также посылать подкрепления Александру. Но македонский царь должен был спешить – и потому что не имел достаточно денежных средств и провианта, и потому что персидский царь обладал превосходством на море. Залог успеха македонского войска лежал в умении быстро преодолевать большие расстояния, брать города и выигрывать сражения благодаря усовершенствованной тактике ведения боя.

В конце марта 334 г. до н. э. пешее войско и флот собрались у Сеста, чтобы, переправившись через Геллеспонт, оказаться у Абидоса в Малой Азии. Поручив переправу войска своему полководцу Пармениону, Александр отправился в Элеунт и принес здесь жертвы на священном кургане Протесилая, героя Троянской войны, вступившего первым на вражеский берег и принявшего смерть.

Александр во главе сорокатысячной армии перешел через Геллеспонт (теперь пролив Дарданеллы) в Малую Азию. Флотилия Александра пересекла Геллеспонт и пристала к берегу в бухте недалеко от Трои, где когда-то пристали ахейцы, чтобы в течение 10 лет осаждать город Приама. Так начался знаменитый восточный поход, сокрушивший державу Ахеменидов и сделавший Александра повелителем огромной империи.

По рассказам историков, Александр приблизился к берегу и бросил копье, вонзившееся в землю Азии. Затем он первым ступил на землю.

Сначала Александр поспешил в Трою, с которой для греческого мира было связано так много. Здесь он принес жертву Афине Илионской, по преданию оказавшей покровительство грекам во время осады города, а также почтил могилу Ахилла. Умастив тело, он состязался с друзьями в беге вокруг памятника. Как пишут Арриан и Плутарх, возлагая венок на могилу Ахилла, Александр провозгласил его счастливым, потому что о его славе возвестил на будущие времена такой поэт, как Гомер. Символизм этого жеста вполне понятен. Александр Македонский воздал положенную честь своему легендарному предку, который явно был для него еще и образцом для подражания.

Но это означало еще и другое. Македонский царь обращался к исторической памяти греков, используя гомеровский эпос о Троянской войне в качестве примера единения сил греческого мира для войны в Азии. Эти действия должны были побудить греческие города Малой Азии присоединиться к нему для совместной борьбы с персами, но греки предпочитали выжи-

дать. Военные силы греческих городов не были Александру большим подспорьем. Но он надеялся, что греки хотя бы не выступят на стороне персов.

В мае 334 года до н. э. на реке Граник Александр встретился с персидской армией, пришедшей, чтобы его остановить. Победа македонцев была полной. После Граника македонский царь отправил в Афины 300 комплектов персидского военного снаряжения, посвятил их Афине Палладе и повелел сделать такую надпись: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме спартанцев, взяли от варваров, обитающих в Азии».

В действительности при Гранике и в других сражениях греческие наемники составляли лучшую часть персидской пехоты. Афинское посольство напрасно просило царя Александра отпустить афинян, взятых в плен при Гранике. Греков, ставших наемниками у персов, македонский царь предполагал сгноить в рудниках.

В продолжение следующего года военных действий македонская армия овладела западным и южным побережьями Малой Азии (современная территория Турции) и укрепилась в важных стратегических пунктах в глубине полуострова.

Очередное большое сражение, на этот раз с главными и лучшими силами персов во главе с самим царем Дарием, произошло на границе Киликии и Сирии у города Исса в ноябре 333 года до н. э. Сгрудившаяся в тесной долине персидская армия не сумела воспользоваться своим численным превосходством. Вторая битва Македонского – вторая победа. Царь Дарий бежал в Месопотамию, бросив войско, сокровища, мать, жену и детей. Это поражение персов имело огромный политический и моральный резонанс.

Тем не менее военное положение македонцев не было блестящим ни в Греции, где персидский флот и персидские деньги отвоевывали потерянное, ни в Малой Азии, куда отступила значительная часть персов после Иссы. Не заботясь о персах, успешно действующих в тылу, после битвы при Иссе Александр предпочел повернуть свою армию на юг, желая подчинить себе богатые торговые города Финикии.

Это был ход конем. Финикийский флот являлся сильнейшим во всем Восточном Средиземноморье, и именно финикийские корабли составляли основу неодолимой силы персов на море. Военный успех в Финикии должен был лишить персов флота.

Большинство ее городов покорилось македонцам по первому их требованию. Крупнейший и наилучшим образом укрепленный финикийский город Тир (ныне Сур) оказал царю Александру самое отчаянное и длительное сопротивление. Власти Тира поначалу также соглашались подчиниться при условии, что Александр Македонский не войдет в городские стены. На горе жителей города, царь принимал за Геракла местное божество Мелькарта, святилище которого помещалось в центре города. Он не мог отступить от того, кого считал своим предком, и взял Тир силой. По словам Арриана и Плутарха, во время осады Александр увидел во сне, как Геракл протягивает ему со стен руку и зовет к себе.

Впрочем, другой сон Александра был, скорее, эротического свойства. Ему приснился сатир, который издали заигрывал с ним, но увертывался и убегал, когда царь пытался его схватить, и дал себя поймать лишь после долгой погони и уговоров. Жители же Тира подозревали в измене не своего Мелькарта-Геракла, а другого бога: «В то же время многим жителям Тира приснилось, – пишет Плутарх дальше, – будто Аполлон сказал, что он перейдет к Александру, так как ему не нравится то, что происходит в городе. Тогда, словно человека, пойманного с поличным при попытке перебежать к врагу, тирийцы опутали огромную статую бога веревками и пригвоздили ее к цоколю, обзывая Аполлона «александристом».

То, что город стоял на острове, делало его, с точки зрения жителей, неуязвимым. Александру пришлось засыпать пролив, таким образом соединив остров с материком. Город взяли штурмом, а его жителей, как до того жителей Фив, продали в рабство.

Настоящий полубог

Из покорившейся Финикии Александр устремился в Египет, где основал город Александрию. Другим особенным событием его египетского «тура» стало рискованное путешествие через пески ливийской пустыни в оазис Сива к жрецам египетского бога Амона-Ра, которого греки уподобляли Зевсу.

Арриан представляет дело так: Александра охватило желание отправиться к Амону в Ливию, поскольку говорили, что предсказания Амона сбываются в точности и что именно он давал предсказания Персею и Гераклу. Поскольку Александр стремился подражать этим героям и вдобавок происходил из рода обоих, он возводил свое происхождение к Амону, как возводят мифы происхождения Геракла и Персея к Зевсу.

Итак, царь «отправился к Амону, рассчитывая, что он в точности узнает о том, что касается его, или по крайней мере сможет сказать, что узнал». Что именно сказало ему божество устами собственных жрецов, точно не известно. Якобы оно подтвердило божественное происхождение македонского царя.

Плутарх в своем жизнеописании Александра дает курьезную интерпретацию этого эпизода. Согласно Плутарху, египетский жрец, приветствовавший Александра Македонского, желал сказать ему по-гречески «пайдион» («дитя»), но по причине дурного произношения вышло «пай Диос» («сын Зевса»). Вполне этим довольный, македонский царь будто бы немедленно удалился.

Вовсе не обязательно принимать этот рассказ за чистую монету. В нем скорее угадывается скепсис, с которым смотрели греки на желание Александра сравняться с богами. В Египте таких сомнений возникнуть не могло. Как новый египетский фараон, Александр считался братом и сыном богов на самом законном основании.

Из Египта завоеватель наконец двинулся за Евфрат, желая встретиться со своим врагом в решающей схватке. Чтобы лучше подготовиться к ней, у персидского царя Дария или, как более точно звучал его титул, «царя царей», было и время, и возможности.

Войска, стянутые со всех концов его необъятной империи, отличались разной боеспособностью. Но среди них были действительно отличные воинские части, в том числе тяжелая бактрийская конница, индийские слоны и... греческие наемники.

Спустя несколько веков римский историк, автор «Истории Александра Великого» Курций Руф, описывает двести персидских колесниц с нескрываемым ужасом: «Копья с железными наконечниками выступали впереди дышла. С обеих сторон хомута было по три меча и еще множество копий. Кроме того, к ступице колес крепились косы, которые должны были разрубать все, что встречается на пути».

Около деревни Гавгамелы, недалеко от города Арбелы в Месопотамии, персидские военачальники нашли поле для будущей битвы, не походившее на теснину Иссы, где персы так нелепо передавили сами себя. Для лучшего маневра своей конницы, на которую персы особенно полагались, они даже срыли холмы.

В октябре 331 года до н. э. армия Александра, безусловно, меньшая по численности, расположилась на позиции, приготовленной для нее персами. Все это чересчур походило на страшный капкан, обещавший истребить македонцев. Парменион, военачальник македонского царя, отчаянно советовал ему атаковать персов ночью. Александр Македонский, по преданию, ему ответил, что «не крадет побед».

Накануне битвы он так спокойно спал, что его пришлось будить, когда войско уже начало строиться. Ожидая атаки македонцев, персы простояли в боевом строю всю ночь. Затем у персов все пошло не так, подготовленные атаки не получались, сражение развалилось на несколько схваток, шедших с переменным успехом. Дарий снова раньше времени посчитал,

что все погибло, и бежал, так что македонцам оставалось только добить разрозненные персидские отряды.

Дарий вновь ускользнул. Но поверженная Персидская империя лежала у ног Александра. Он беспрепятственно вошел в пять ее столиц в Месопотамии, Персиде и Мидии – Вавилон, Сузы, Пасаргады, Персеполь и Экбатаны, и баснословные сокровища попали в его руки.

Многое в этом триумфальном шествии теперь было новым. В определенном смысле оно представлялось логическим окончанием греко-персидских войн. Плутарх пересказывает историю о старике, плакавшем от счастья при виде Александра, восседающего на троне некогда столь грозных персидских царей. «Какой великой радости, – по преданию, говорил он, заливаясь блаженными слезами, – лишились те из греков, кто умер, так и не узрев такого».

Из Суз Александр отослал обратно в Афины символический трофей персидского царя Ксеркса – скульптурную группу «тираноубийц» Гармодия и Аристоклитона, борцов за афинскую демократию, одно из самых прославленных произведений раннего классического искусства.

Пир в Персеполе закончился сожжением царского дворца, которое, в глазах хмельной компании, символизировало месть оскорбленной Греции. Об этом пьяном поджоге древние авторы сообщают по-разному. Впрочем, рассказ Плутарха снова обстоятельнее и интереснее других.

Якобы инициатива принадлежала особе легкомысленного поведения, по-гречески – гетере. «В общем веселье, – рассказывает Плутарх, – вместе со своими возлюбленными принимали участие и женщины. Среди них особенно выделялась Таида (Таис), родом из Аттики, подруга будущего царя Птолемея.

То умно прославляя Александра, то подшучивая над ним, она, во власти хмеля, решилась произнести слова, вполне соответствующие нравам и обычаям ее родины, но слишком возвышенные для нее самой. Таида сказала, что в этот день, глумясь над надменными чертами персидских царей, она чувствует себя вознагражденной за все лишения, испытанные ею в скитаниях по Азии. Но еще приятнее было бы для нее теперь же с веселой гурьбой пирующих пойти и собственной рукой на глазах у царя поджечь дворец Ксеркса, предавшего Афины губительному огню. Пусть говорят люди, что женщины, сопровождавшие Александра, сумели отомстить персам за Грецию лучше, чем знаменитые предводители войска и флота.

Слова эти были встречены гулом одобрения и громкими рукоплесканиями. Побуждаемый упорными настояниями друзей, Александр вскочил с места и с венком на голове и факелом в руке пошел впереди всех. Последовавшие за ним шумной толпой окружили царский дворец, сюда же с великой радостью сбежались, неся в руках факелы, и другие македонцы, узнавшие о происшедшем».

Впоследствии Александр высказывал сожаление по поводу случившегося. После Гавгамел он обнаруживал все большую склонность щадить завоеванные края, позволял сатрапам персидского царя оставаться на своих местах, демонстрировал уважение к местным богам и даже истории Персидского царства. В Экбатанах, последней из завоеванных персидских столиц, Александр отпустил домой греческих союзников и фессалийскую конницу.

Это должно было означать, что общегреческий поход против Персидского царства, провозглашенный в Коринфе, успешно завершен и все дальнейшее остается делом одной Македонии и ее царя. Греки, которые пожелали остаться с ним, теперь стали его наемниками.

Считая себя законным преемником персидских царей, Александр преследовал несчастного Дария. Но когда остававшиеся с Дарием сатрапы расправились с ним, македонский царь взял на себя труд отомстить за его смерть.

Новая и непонятная для многих роль, которую брал на себя завоеватель, требовала от него нахождения общего языка с персидской знатью, сохранения в некотором преобразованном виде административного скелета своей новой державы, определенного усвоения политической идеологии Персидского царства, находившей, в частности, выражение в дворцовом этикете.

К нескрываемому ужасу и нарастающему возмущению греков и македонцев, Александр попытался распространить на них персидский порядок обращения к царю, который подразумевал буквальное поклонение ему, несовместимое с греческими понятиями о свободе и достоинстве. Больше, чем что бы то ни было, эта болезненная тема вела Александра к столкновению с ревнителями традиций царской власти в его непосредственном окружении, составленном из македонской аристократии.

Сцена убийства Клита стала эмоциональной кульминацией конфликта царя со своими ближайшими соратниками. Клит был другом детства Александра, братом его кормилицы, командиром царской илы, отборного отряда македонской конницы, приносившей царю победы.

Если верить Арриану, Клит нашел, как противодействовать наступающей «тирании» Александра Македонского. На одном из пиров он вступился за древних героев, оспаривая единоличный характер подвигов Александра. Не в силах больше слушать, как придворные льстецы унижают Геракла и Диоскуров, превознося македонского царя как первого среди полубогов, Клит смело заявил, что подвиги, которые приписывают Александру, совершены всеми македонцами.

Его пробовали утихомирить, но он не унимался и требовал, чтобы Александр при всех сказал, что думает. Наконец его вытолкали из пиршественной залы. Клит вернулся через другие двери. Протягивая руку, Клит кричал Александру: «Вот эта самая рука спасла тебе жизнь» (такой факт действительно имел место в сражении при Гранике). И в этот момент, выхватив копье у стражника, Александр Македонский убил его.

Здесь остановился Александр

Неожиданно тяжело давшееся завоевание Бактрии и Согдианы (приблизительно территории теперешнего Афганистана и Средней Азии) сначала было связано с тем, что убивший Дария сатрап Бактрии Бесс попытался провозгласить себя новым персидским «царем царей». Александр же не считал это место вакантным.

После того как сатрап Бесс провозгласил себя новым владельцем Персии, Александр выступил против него и направил свое войско далее на восток, через столицу Персии Персеполь и Экбатаны в Гирканию, куда отступили разбитые войска персов. Из Гиркании через Парфию он прибыл в район Гиндукуша и, перейдя гиндукушские хребты, спустился в долину Амударьи.

Здесь Бесс был схвачен и казнен, а македонские войска, пройдя через плодородные долины Согдианы, вновь перевалили через Гиндукуш. Александр стал готовиться к походу на Индию.

Однако устранение Бесса не стало окончанием войны. Уцелевшие сатрапы и местная знать, пользуясь крахом державы персидских царей и рассчитывая на труднодоступность своих областей, думали сохранить независимость. Эта война по упорству и взаимному ожесточению сторон уже не походила на прежнюю.

Женитьба македонского царя на дочери одного из бактрийских князьков Роксане была попыткой привязать местную знать к своему царствованию. Только по прошествии двух лет, добившись определенного успеха в умиротворении Согдианы, Александр смог приступить к исполнению другого амбициозного замысла. Весной 327 года до н. э. армия Александра Македонского, в рядах которой греки и македонцы, впрочем, уже давно составляли лишь малую часть, двинулась в Индию. Александр через Афганистан вторгся в Северную Индию, где летом следующего года была одержана самая значительная победа – над индийским царем Пором, могущественное царство которого располагалось к востоку от среднего течения Инда. Александр нанес войскам царя Пора сокрушительное поражение.

Военный успех, доставшийся большой кровью, открывал, казалось, дорогу в долину Ганга. Однако истощенная боями и длительными маршами македонская армия была не в состоянии двигаться дальше. Утомленное битвами, измученное непривычным климатом и неизвестностью, войско отказалось продолжать поход. Нечто подобное уже случалось прежде, и Александр знал, как поступить.

Однако на этот раз силы и терпение его солдат действительно иссякли. Сколько он гневно ни удалялся в свою палатку, никто не являлся его уговаривать. «Не было ни одного солдата, из которого ему бы удалось вытянуть слово». Армия решительно не видела смысла в дальнейших завоеваниях, и царю пришлось уступить.

Оказавшись перед угрозой прямого неповиновения, Александр был вынужден дать команду об отступлении. Войско ликовало, «многие из воинов плакали, а другие подходили к царской палатке, призывая многочисленные благословения на Александра за то, что он согласился быть побежденным только ими».

Длившийся почти 10 лет Восточный поход Александра завершился возвращением в Сузы. По преданию, двенадцать алтарей в честь богов Олимпа вокруг бронзовой колонны с надписью «Здесь остановился Александр» были воздвигнуты на месте окончания похода.

Впрочем, отступление Александра вниз по течению реки Инд все еще было завоеванием. Но на обратном пути он погубил половину своей армии в пустыне Гедросии. А ведь Александр двинулся этой дорогой только потому, что слышал, что там не смогли пройти с армиями Семирамида и Кир.

Возвращение из Индийского похода закончилось чем-то вроде карнавального шествия в честь бога Диониса. Греческий миф называл бога Диониса первым завоевателем Индии. Плутарх о шествии Александра пишет так: «Восстановив свои силы, македонцы семь дней веселой процессией шествовали через Карманию. Восьмерка коней медленно везла властелина, который непрерывно, днем и ночью, пировал с ближайшими друзьями, восседая на своего рода сцене, утвержденной на высоком, отовсюду видном помосте. Затем следовало множество колесниц, защищенных от солнечных лучей пурпурными и пестрыми коврами или же зелеными, постоянно свежими ветвями, на этих колесницах сидели остальные друзья и полководцы, украшенные венками и весело пирующие. Нигде не было видно ни щитов, ни шлемов, ни копий, на всем пути воины чашами, кружками, кубками черпали вино из пифосов и кратеров и пили за здоровье друг друга, одни при этом продолжали идти вперед, другие падали наземь. Повсюду раздавались звуки свирелей и флейт, звенели песни, слышались вакхические восклицания женщин. В течение всего этого беспорядочного перехода царило такое необузданное веселье, будто сам Дионис присутствовал тут же и участвовал в этом радостном шествии».

Но как бы там ни было, этот длительный и на самом деле очень трудный маршрут в обратном направлении вдоль Инда, по побережью Аравийского моря и Персидского залива, по знойным пустыням и безлюдным местам привел армию к окончательному истощению.

Щедро расплатившись с воинами-ветеранами и отправив значительную их часть на родину, Александр Македонский в 324 г. до н. э. прибыл в Вавилон, который он избрал столицей своей гигантской империи. Царю оставалось меньше двух лет жизни.

Александр вернулся в Вавилон не за тем, чтобы сидеть сложа руки. По прошествии нескольких лет, проведенных им в дальних краях, он нашел управление империей совершенно расстроенным. Фактически первой его задачей было взять под контроль области, попавшие в руки лиц, беспардонно злоупотреблявших властью, и навести там порядок.

За год до смерти Александр потребовал от городов Греции учреждения для себя божественных почестей. В письме царя, отправленном из Суз весной 324 г. до н. э., содержалась ссылка на пример Геракла, его отдаленного предка и, как упоминалось выше, сводного брата. Как Геракл, Александр победил всех и дошел до края света. Поэтому царь Александр потребовал сооружения в свою честь храмов, статуй и жертвенников как сыну высшего божества. Публичное почитание Александра городом Эллады вводили у себя по принуждению. «Этот юнец жаждет алтарей. Так пусть ему их воздвигнут. Какие пустяки!» – язвил оратор Демосфен.

Теперь Александр упрекал греков за то, что они не дали ему завоевать Индию. Охваченный неумолимой жадой завоеваний, великий полководец продолжал строить грандиозные планы дальнейших походов. Он приказал создать большой флот (его судьба представляет собой отдельную загадку) и сколачивал новую армию, костяком которой теперь уже должны были служить азиаты, в первую очередь персы.

Чувствуя себя призванным превзойти Геракла и Диониса, Александр не мог расстаться с мыслью дойти до края земли. Человек-герой может уподобиться бессмертным богам, когда совершит нечто выходящее за пределы человеческих возможностей. Поэтому полководец планировал для себя новый подвиг. Он хотел покорить Аравию, Африку и, обогнув ее, вплыть в Средиземное море через Геркулесовы столбы.

Однако в разгар приготовлений к новым походам Александр слег с жестокой лихорадкой и через несколько дней умер. Неожиданная болезнь и смерть македонского царя 10 июня 323 года до н. э. вызвали кривотолки. Однако скорее всего его смерть не была связана с отравлением и имела естественные причины. В настоящее время место захоронения Александра Великого не установлено, но об этом чуть позже.

Судьбы империи

Что же представляла собой созданная Александром Македонским империя? Сразу же после смерти полководца его преемники – диадохи – стали в ожесточенной борьбе делить наследство. Александр, кстати, это предвидел: «Вижу, что будет великое состязание над моей могилой...»

Распад империи завершился на рубеже IV–III вв. до н. э. возникновением в Западной Азии и Северной Африке двух крупных держав – Египта Птолемеев и царства Селевкидов, которые объединили под своей властью весь ближневосточный мир, за исключением тяготевшей к Элладе Малой Азии.

Правы ли те, кто говорит: Македонский умер, а «государства» как такового не было, просто было очень много завоеванных земель? В таких случаях вообще нельзя говорить о государстве. Если рассматривать распад империи как раздел ее между диадохами, то да, прямой причиной этого послужила смерть Александра и неспособность диахов ограничить свои личные амбиции.

Но распад державы Александра не означал окончательной гибели его наследия. Например, Египет Птолемеев на долгое время стал авангардом эллинистической цивилизации (по крайней мере, в контексте просвещения и культуры).

Кстати, надо отметить, что выступивший в качестве преемника великих монархов Востока Александр проявил немалую государственную мудрость в организации администрации. Он сделал акцент на местные традиции, привычную социальную структуру и испытанные кадры управителей, доставшиеся ему в наследство от персидских царей. И хотя все высшие должности в его империи занимали доверенные лица из числа македонцев и греков, стратегическая цель императора сводилась к гармоническому синтезу античной и восточной систем, символом которого призвана была послужить торжественная церемония вступления вернувшихся из изнурительного похода воинов в брак с азиатскими женщинами. В Сузах, куда вернулось истощенное походом войско, был совершен этот важный политический акт: около 10 тысяч воинов-македонян, в том числе сам Александр и его ближайшие сподвижники, одновременно сочетались браком с азиатками, причем каждому из молодоженов Александр сделал богатый свадебный подарок.

Важным средством реализации политики синтеза было также создание во многих завоеванных районах Ближнего Востока – от Египта до Средней Азии – серии крупных городов, по меньшей мере десятков из которых стал называться Александриями.

Эти города, заселявшиеся македонянами, греками и стремившимися перенять их образ жизни людьми других национальностей, были призваны, равно как и некоторое количество греческих военных поселений, служить анклавами, упрочивавшими влияние греческой культуры, полисной организации жизни и военной силы македонян в процессе осуществления предполагаемого синтеза.

И, надо сказать, усилия Александра в этом направлении не пропали зря. Несмотря на кратковременность жизни завоевателя и распад его державы после его смерти, вся ближневосточная история с момента завоеваний Александра шла уже под знаком принципиально иного исторического периода – эпохи эллинизма, суть которой сводилась как раз к той (или примерно к той) эллинизации Ближнего Востока, осуществление которой ставил своей целью македонский завоеватель.

Почему же распалась империя Александра Македонского? Был ли распад его империи следствием смерти ее создателя, на силе которого она держалась, или закономерным результатом социально-экономической раздробленности территории?

Одно из объяснений гласит, что если посмотреть, к примеру, на азиатские владения Александра, то можно увидеть, что его империя образовалась преимущественно на территориальной основе Персидской державы; и что Египет еще с V века до н. э. проявлял сепаратистские тенденции... А сама Персидская держава разваливалась на части от внутренних смут и войн. Персия – по сути своей была конгломератом племенных объединений, народов с разным социально-экономическим уровнем развития (богатейшая торговая Вавилония и удаленная от торговых путей Пафлагония), причем на этом огромном пространстве существовали разные религии со своими местными культами.

Все это досталось в наследство Александру Македонскому. Как же отразились завоевания Александра на истории стран и народов ближневосточного региона?

Не случайно первым отпал Египет – древняя цивилизация с единым народом, экономически развитый, не нуждавшийся, по большому счету, в персидском владычестве. Малая Азия, начиная с похода Кира, стала неким местом, где обязательно случались мятежи против центральной власти персов. Империя Селевкидов – наглядный пример того, как Каппадокия постоянно становилась пристанищем для мятежников.

Ну а Македония – это уже совсем другой мир, скорее европейский, принадлежащий греческому миру. Поэтому распад державы Александра был неизбежен. И смерть царя только ускорила этот процесс.

И здесь, считают некоторые исследователи, действовали причины не столько социально-экономического плана, сколько этнического и культурного. К тому же важным фактором являлось фактическое отсутствие связи между частями империи, не было дорог, это способствовало разъединению различных областей. Большинство людей попросту не сознавали себя гражданами какого-то государства (племена платили дань персидскому царю в лице чиновника, и всё, на этом персидская империя для них заканчивалась). Сама персидская империя – конгломерат этносов (в каждой области стоял местный царек и просто по старинке управлял населением), отсюда и нежелание подчиняться центру – очень слабые связи между местной и центральной властью.

И все эти причины (этнические, культурные, социально-экономические) вкупе разваливали империю на отдельные страны – субрегионы.

Посреди своего времени

До конца античности на Александра Македонского смотрели скорее недоброжелательно. К примеру, в глазах римских стоиков царь Македонии – безумец и кровопийца, карикатура на героя, больной и несчастный человек с болезненным воображением, измучивший себя и еще больше окружающих, не умевший владеть собой и своими желаниями и умерший от невозддержанности, став жертвой собственных страстей.

Римский философ Сенека по этому поводу высказался так: «Несчастливого Александра гнала и посылала в неведомые земли безумная страсть к опустошению. Или, по-твоему, здрав умом тот, кто начал с разгрома Греции, где сам был воспитан? Кто отнял у каждого города то, что там было лучшего, заставив Спарту рабствовать, Афины – молчать? Кто, не довольствуясь поражением многих государств, либо побежденных, либо купленных Филиппом, стал опрокидывать другие в других местах, неся оружие по всему свету? Чья жестокость нигде не остановилась, устав, – наподобие диких зверей, загрызающих больше добычи, чем требует голод? Уже множество царств он слил в одно; уже греки и персы боятся одного и того же; уже носят ярмо племена, свободные даже от власти Дария, а он идет дальше океана, дальше солнца, негодует, что нельзя нести победу по следам Геракла и Диониса еще дальше, он готов творить насилие над самой природой. Он не то что хочет идти, но не может стоять, как брошенные в пропасть тяжести, которые не могут остановиться в своем падении, пока не упадут на самое дно».

В определенном смысле психологический портрет Александра Македонского не выглядит большой загадкой. Аристократическое самосознание, построенное на памяти о дальнем родстве с богами и героями, нацеливало личность на стяжание славы. Вдруг оказавшись на троне мировой державы, он так и не сумел расстаться с кругозором и замашками мелкого греческого царька, до смерти измученного чувством собственной малости. В общем, как гласит грубоватый афоризм другого народа о схожей проблеме: «Можно вывезти девушку из деревни, но очень трудно вывести деревню из девушки...»

Арриан же так характеризует Александра: «Был он очень красив, очень деятелен, стремителен и ловок; по характеру своему очень мужествен и честолюбив; великий любитель опасности и усерднейший почитатель богов. Физическими уладами он почти пренебрегал; что же касается душевных, то желание похвалы было у него ненасытное».

Желание встать вровень с богами и героями – как нормальная этическая позиция знатного грека, не равняющего себя больше ни с кем, – было также наследием греческой старины и знаком архаического (то есть «правильного», хорошего) вкуса.

И действительно, для людей своего времени Александр, должно быть, действительно походил на пришельца из легендарных времен Троянской войны.

Греки любили предания о Персее и Геракле. Но совсем не желали того, что кто-то перенесет их в такую сказку. Политическая разрозненность понималась многими как нормальное, правильное основание общественной жизни, суть их свободы. Так что в глазах огромной части греков царь Александр оставался самовластным тираном. Его заслуги оспаривали, его презирали, боялись и не любили. Этому способствовали болезненное тщеславие Александра, обожествление его в Египте и, уже после Персеполя, приступы невероятной мании величия – введение обряда падания ниц, что было немыслимо для едва переступивших границы родовых отношений македонцев. Не всякая теория хороша для переноса в практическую жизнь.

В этом же контексте бегства от своей «провинциальности происхождения», «неэллиности» находится и история Александра Македонского и Олимпийских игр. Из истории мы знаем, что Александр Македонский, движимый тщеславием, явился в свое время в Элладу и добился участия в Олимпийских играх, к которым допускались только эллины, чем доказал, что он эллин, а не македонец.

Как описан Александр Великий в первоисточнике – у Геродота?

В пятой книге: «22. А то, что эти македонские цари, потомки Пердикки, действительно эллины, утверждают не только они сами, но и я убежден в этом. Кроме того, и судьи Олимпийских состязаний признали это. Когда Александр Македонец пожелал принять участие в состязаниях и для этого прибыл в Олимпию, то эллины, участники состязаний, требовали его исключения. Эти состязания, говорили они, для эллинов, а не для варваров. Александр же доказал, что он аргосец, и судьи признали его эллинское происхождение. Он принял участие в беговом состязании и пришел к цели одновременно с победителем...».

Различались этнические эллины и эллины как социум. Так вот, македонцы только после Александра стали считаться эллинами как часть эллинского социума. До Александра македонцы считались такими же варварами, как иллирийцы и фракийцы.

Почему Александр смог завоевать мир?

Историки высказывают множество мнений, из которых можно вывести десять причин того, почему Александр стал действительно Великим и завоевал мир.

Во-первых, происхождение. Александр, как известно, был сыном македонского царя Филиппа II и дочери эпирского царя Олимпиады. И по отцовской, и по материнской линии Александр был потомком легендарных Геракла и Персея, величайших героев древнегреческих мифов. Они и стали для него примером.

Великим творцом империи и «властителем мира» Александра Македонского сделала во многом его политика. Власть Александра основывалась не на догмах, а на трезвом анализе имеющихся условий и на поиске практических решений. Именно руководствуясь практическими соображениями, Александр перенял многое из системы управления Персидской империи.

Прежде всего Александр отказался от того, чтобы превратить Азию в провинцию македонско-греческой империи. Вместо этого он приближал к своему двору местную знать, которой обеспечивал места в армии и органах власти. В отличие от своих предшественников, Александр относился к жителям покоренных земель не как завоеватель, а как законный правитель их государства, уважающий их традиции.

Александр основал более двадцати городов – от Египта до Индии, их заселили ветераны и местные жители. Эти города должны были стать не только опорными пунктами для армии, но и центрами греческой культуры. Александрия Египетская была известнейшим из них – одним из центров торговли и наук античного мира. Этот и другие города, основанные Александром, стали своеобразным связующим звеном между Востоком и Западом.

Как и Наполеон через два тысячелетия после него, Александр держал при себе большой штат ученых. Таким образом, его поход стал еще и масштабной экспедицией, целью которой было дойти до края света. Для того чтобы проложить маршрут от Инда до Евфрата, строились целые флотилии. Ученые и философы исследовали и описывали Азию. Придворный летописец Каллисфен, внучатый племянник Аристотеля, позаботился о том, чтобы мир узнал об открытиях, сделанных во время похода. Однако в конечном итоге Каллисфен впал в немилость, поскольку сопротивлялся введению персидских обычаев при дворе (а именно – традиции падать перед правителем ниц), впоследствии был казнен за предполагаемое участие в заговоре.

После основания города в дельте Нила Александр посетил оазис Сива в пустыне, где оракул бога Амона приветствовал его, назвав «сыном божества», что приличествовало ему как новому правителю Египта. Этот факт лишь укрепил Александра в убежденности следовать путем Геракла. Кроме того, как правитель огромной империи Александр автоматически причислялся к культовым фигурам. В основанных им городах ему также оказывались почести наравне с богами. Буквально сверхчеловеческое стремление объединить Европу и Азию, овладевшее им в последние месяцы жизни, позволяет предположить, что в конце концов он и сам воспринимал себя скорее как личность почти божественную, нежели как простого смертного.

«Страстное желание» – писали античные авторы, когда пытались охарактеризовать мотив Александра Македонского. Фактически это было всепоглощающее стремление, которое заставляло его подражать героям античности, в особенности Ахиллу. Александр хотел доказать, что он – один из этих героев, но не в легендах, а в реальности. Он взял крепость на севере Ирана только потому, что о ней рассказывали, что Геракл потерпел неудачу при ее осаде. От Инда он хотел дойти до Ганга, чтобы достичь там границ освоенных людьми земель. Его войска были готовы захватить Аравийский полуостров, а вслед за ним и Карфаген, но смерть великого полководца помешала этим планам осуществиться. Однако «страстное желание» все же помогло Александру реализовать его мечту: никто другой не создал такой огромной империи.

И наконец, два последних по перечислению, но не по значению, фактора. Армия и талант полководца. Что в большей степени сделало Александра Великим – военный гений или совершенная армия?

Александр Македонский – один из нескольких великих полководцев античности, чей вклад в развитие военного искусства общепризнан. Хотя ему, конечно, и повезло с начальными условиями. Он был не только полководцем, но и царем – сочетал в себе как военную, так и политическую власть. От отца ему досталась боеспособная армия.

Когда Филипп II в 336 году до н. э. был убит, его войска находились в Малой Азии, чтобы дать отпор персидской армии. Более двух десятилетий военных походов Филиппа II сделали его войско внушительной силой: шесть полков тяжелой пехоты – 9000 воинов, вооруженных длинными копьями; 3000 гипаспистов, тоже с длинными копьями, но более маневренных; 6000 легковооруженных воинов; 1200 гетайров (тяжелая конница), гвардия и 600 разведчиков. Кроме того, в состав армии Филиппа II входили 7000 греческих гоплитов, множество наемников и несколько тысяч всадников.

Александру предстояло ее совершенствовать, что он и проделал блестяще. Он был именно тем человеком, который смог правильно распорядиться такой армией. У огромной неповоротливой армии персов не было ни единого шанса против македонцев.

Курций приводит речь афинянина Харидема персидскому царю Дарию, который сравнил армию персов с армией Александра Македонского: «Эта столь вооруженная армия, состоящая из стольких народов со всего Востока, оторванных от своих очагов, может внушать страх своим соседям: она сверкает золотом и пурпуром, поражает богатством вооружения, которое невозможно представить себе, не увидев собственными глазами. Македонское же войско, дикое и без внешнего блеска, прикрывает щитами и копьями неподвижный строй и сомкнутые ряды крепких воинов. Этот прочный строй пехоты они называют фалангой: в ней воин стоит к воину, оружие одного находит на оружие другого. Фаланга обучена по первому же знаку идти за знаменами, сохраняя ряды. Солдаты исполняют все, что им приказывают: сопротивляются, окружают, переходят на фланги; менять ход сражения они умеют не хуже полководцев. И не думай, что их влечет жажда золота и серебра, эта дисциплина до сих пор крепка, ибо создана бедностью: постелью уставшим служит земля, еды им достаточно той, которую они раздобудут, а время их сна – неполная ночь».

Во время битвы при Гавгамелах Александр, обнаружив, что персы покрыли поле боя шипами против конницы, совершил тактический маневр, вынудивший вражескую армию разделиться, после чего македонская конница, избежав шипов, атаковала позиции персидского царя. Кроме того, Александр мог доверять своим полководцам и своей армии, которая пошла за ним на край света.

Ему также в наследство достался опытный офицерский корпус, который пополнялся молодыми друзьями Александра. Многие офицеры Александра Македонского, как и маршалы Наполеона, хотя и не могли сравниться талантом с полководцем, но были достойными командирами. Антигон, Лисимах, Селевк, Птолемей и другие продемонстрировали это уже после смерти Александра в битвах диадохов.

Армия Александра Македонского была идеальной боевой машиной, прекрасно сочетающей различные рода войск. В совокупности с опытным офицерским корпусом и талантливым полководцем эта армия не знала себе равных в античности до тех пор, пока не появилась другая великолепная армия – легионы Цезаря.

Александр сочетал в себе таланты политика, стратега и тактика. Он пытался интегрировать подчиненные народности как в структуру государства, так и в армию. Привлекал на свою сторону полководцев противника и обеспечивал их лояльность. Перед походом в глубь Азии было завоевано все средиземноморское побережье, взяты города и в них расставлены гарнизоны. Готовясь к решающей схватке с Дарием III, Александр создает базы и обеспечивает

коммуникации. Потом он выбирает главную цель – Дария, победив которого безостановочно преследует, не давая опомниться. Александр строит лагерь перед битвой, обнося его рвом и палисадом. Позже, через Пирра, эти навыки перейдут к римлянам.

Александр воюет на самых разных театрах военных действий и против различных противников. Армия Александра Македонского сражается в лесах и горах, пустыне, степях и джунглях, против колесниц, слонов, скифских конных лучников, греческой фаланги и фракийских пельтастов, сходу преодолевает реки и вступает в бой. В армии Александра взаимосвязаны все рода войск: фаланга и гипасписты, пельтасты и гимнеты, гетайры, продромы и греческая конница.

Однако особо стоит отметить, что Александр Македонский кроме того, что он умело сочетал все рода войск, был блестящим кавалерийским командиром. Фаланга была основой боевого строя, а конница наносила решающий удар. Далеко не каждый командир может удерживать конницу от преследования бегущего врага и прийти на помощь своим на другом фланге, как это было при Гавгамелах.

Во времена Александра еще не сложился образ полководца, который должен управлять битвой с расстояния, вовремя подпитывая армию резервами. Существует, конечно, мнение, что образ Александра был приукрашен и он был скорее не великим полководцем, а великим романтиком, сумевшим увлечь за собой многих славных воинов, являвшихся настоящими стратегами и генералами, выигрывавшими сражения за Александра, в то время как при детальном разборе сражений становится ясно, что сам Александр вел себя на поле боя зачастую просто безрассудно. Безрассудство, конечно, присутствовало. Но это было в духе эпохи. Наблюдать за битвой «с барабана» начали позже, а в античные времена был важен личный пример.

Обычно полководец раздавал команды до боя, а потом вдохновлял войска личным примером и уже с трудом мог управлять сражением. Александр в каждой битве был впереди, на лихом коне, постоянно подвергая себя опасности.

Только чудо и друзья спасают его от смерти, как, например, Клит спас его в битве при Гранике от Спифридата. Арриан пишет в «Походе Александра»: «...Александра сердили друзья, бравившие его за то, что он лично ввязывается в сражение: сражаться – это дело солдата, а не полководца. Мне кажется, что Александр сердился на эти речи, сознавая их справедливость; он понимал, что заслуживает порицания. И все-таки он не мог совладать с собой (так иные уступают зову наслаждений) и бросался в гущу боя: до того разгоралось у него сердце и так хотелось ему прославиться».

Жажда славы вела царя вперед!

У Александра Македонского было огромное количество ран, и много раз он был при смерти. По-настоящему критическая ситуация сложилась при штурме города маллов в Индии. Этот случай характеризует Александра и отношение к нему солдат. «Александру показалось, что македонцы, несшие лестницы, не торопятся; он выхватил у одного из них лестницу, сам приставил ее к стене и полез, прикрываясь щитом. За ним поднимался Певкест со священным щитом в руках: этот щит Александр взял из храма Афины Илионской, и его всегда носили перед ним в сражениях. За Певкестом по той же лестнице поднимался Леоннат, один из телохранителей. По другой лестнице взбирался Абрея, солдат-«двудольник». Уже царь добрался до стенных зубцов; уперши в них свой щит, он начал сталкивать одних индов обратно за стену, других тут же убил мечом и таким образом очистил в этом месте стену. Щитonosцы в великом страхе за своего царя, спеша и толкаясь, полезли по одной лестнице и сломали ее; уже добравшиеся доверху попадали вниз и преградили дорогу остальным.

Александр стоял на стене, и его обстреливали кругом с соседних башен, но никто из индов не осмеливался приблизиться к нему. Метали в него дротики и снизу из города, причем с близкого расстояния. Александр выделялся среди всех и своим роскошным вооружением, и своей безумной отвагой. Он понял, что, оставаясь на этом месте, зря подвергает себя

опасности, так как сделать что-нибудь стоящее он здесь не сможет; если же он спрыгнет вниз, то, может быть, этим испугает индов, а если нет и он окажется в опасности, то погибнет не напрасно, совершив дела великие, достойные того, чтобы о них узнали потомки. Он и спрыгнул со стены в крепость. Прислонившись к стене, он убил мечом нескольких человек, бросившихся на него, в том числе вождя индов, смело устремившегося к нему. Одного человека, приблизившегося к нему, он поразил камнем, другого тоже камнем; подошедшего совсем близко проткнул мечом. Варвары не решались уже подходить к нему, а, окружив его со всех сторон, метали в него оружие, какое только подвернулось под руку.

В это время Певкест, Абрея-«двудольник» и лезший вслед за ними Леоннат, единственные, которым удалось взойти на стену до того, как лестница сломалась, спрыгнули вниз и стали на защиту царя. Абрея-«двудольник» пал тут же, пораженный стрелой в лицо; Александру стрела пробила панцирь и вонзилась в грудь над соском: по словам Птолемея, из раны текла кровь и шел воздух. Александр, пока кровь у него еще не остыла, отбивался, хотя и чувствовал себя плохо. Наконец, от большой потери крови, выходявшей вместе с воздухом, у него закружилась голова, он потерял сознание и упал тут же на свой щит. Певкест, перешагнув через лежащего, стал перед ним, прикрывая его священным щитом из Илиона; Леоннат встал с другой стороны. Обоих осыпали стрелами; Александр, потеряв столько крови, был уже близок к смерти. Со штурмом дело застопорилось: македонцы, видя, как осыпали Александра стрелами на стене и как он спрыгнул внутрь крепости, безрассудно шли на гибель от рвения и страха за своего царя. Переломав лестницы, они, как это бывает в положении безвыходном, стали придумывать всякие средства, чтобы взойти на стену: одни забивали в стену (она была земляная) колышки и, цепляясь за них, с трудом карабкались по стене; другие становились на плечи друг другу. Каждый, взобравшись на стену, при виде лежащего царя, кидался с нее в город; все плакали и кричали. Вокруг лежащего завязалась жестокая сеча; македонцы один за другим становились перед царем, закрывая его своими щитами...

Пока Александр оставался на месте, залечивая свою рану, в лагерь, откуда он выступил на маллов, пришло известие, что он умер от раны. Сначала все солдаты рыдали, передавая друг другу этот слух. Когда плач утих, всеми овладело чувство растерянности и беспомощности: кто поведет войско? Когда его увидели опять верхом на коне, по всему войску пошел такой шум, что откликнулись эхом и берега, и соседние леса. Подъехав к палатке, он сошел с коня, чтобы увидеть, что он держится на ногах. Солдаты подходили к нему со всех сторон; касались его рук, обнимали колени, трогали одежду; некоторые только смотрели, стоя неподалеку, и уходили, благославляя его. Его осыпали лентами и цветами, которые есть в это время в Индии» (Арриан. Поход Александра).

Стоит отметить, что после завоевания Персидского царства формальная цель похода была выполнена. Солдаты устали, обогатились и не хотели идти в Индию.

Александр Македонский нашел выход и в этой ситуации.

Известный исторический эпизод описывает Полиэн в «Стратегемах»: «Александр направлялся в Индию. Поскольку македонские воины везли за собой на повозках добычу, захваченную в Персии, а также другие огромные богатства и, столь многими сокровищами уже обладая, не видели необходимости в войне с индийцами, Александр повелел сжечь вначале царские, а затем и остальные повозки. Македоняне, освободившись от бремени своих многочисленных сокровищ и вынужденные опять искать добычи, двинулись после этого на войну с большим усердием».

Однако, даже несмотря на огромную любовь войска к своему царю, солдаты взбунтовались, когда узнали, что их поход в Индии не заканчивается и им предстоит идти дальше. И Александр Македонский, который легко находил общий язык с армией, вынужден был уступить.

Вот что об этом написал Арриан: «Ему [Александру] рассказали, что за Гифасом лежит богатая страна, что населяют ее люди, которые умеют хорошо обрабатывать землю и храбро воевать. Государство их благоустроено: народом управляют лучшие люди, которые не отдадут ни одного несправедливого приказа. Слонов там множество, и они превосходят остальных индийских слонов и своим огромным ростом, и своим мужеством. Эти рассказы еще больше подстрекнули Александра в его желании идти дальше, но македонцы пали духом, видя, что царь их готов громоздить тяготы на тяготы и опасности на опасности. В лагере стали собираться ссоры; те, кто был помирнее, только оплакивали свою участь, но другие твердо заявляли, что они не пойдут за Александром, даже если сам он станет во главе их.

На следующий день Александр, полный гнева, созвал опять тех же и сказал, что он сам пойдет вперед, но никогда не заставит македонцев против воли следовать за ним; у него будут люди, которые пойдут за своим царем добровольно. Те, кто желает уходить домой, пусть уходят и пусть сообщат домашним, что они оставили своего царя, окруженного врагами.

После этих слов он ушел к себе в палатку и в этот день и еще два дня спустя не принимал никого, даже из «друзей», выжидая, не изменится ли настроение у македонцев и союзников; это часто случается в солдатской среде и дает возможность ее легче переубедить. В лагере, однако, стояла полная тишина; гнев Александра, очевидно, только раздосадовал солдат, но не изменил их настроения. Тогда он собрал старейших из «друзей» и людей, ему наиболее преданных, и так как все указывало ему на необходимость вернуться, он велел объявить войску, что решено повернуть обратно».

Александр стремился стать царем азиатского типа и требовал беспрекословного подчинения подданных, это вызывало раздражение его старых боевых соратников.

Но Александр Македонский делил тяготы и опасности со своими солдатами не только в битвах, но и в походах, на бытовом уровне. Это увеличивало его популярность в солдатской среде. Такой эпизод приводит Арриан: «Войско шло по песку среди палящего зноя; надо было дойти до воды, а идти было далеко. Александр, томимый жаждой, с великим трудом шел впереди войска пешком, как и остальные солдаты: легче ведь переносить трудности, если все страдают одинаково. В это время несколько легковооруженных солдат, ушедших в поисках воды от войска в сторону, нашли в неглубоком овраге маленькую лужу с застоявшейся и плохой водой. С трудом набрав ее, они поспешили к Александру, неся ему ее как подлинное сокровище. Вблизи от него они перелили эту воду в шлем и поднесли ее Александру. Он взял ее, поблагодарил принесших и вылил воду на глазах у всех: «Для одного – много, на всех – мало». Это придало всему войску столько сил, словно вода, вылитая Александром, оказалась питьем для всех. Я хвалю Александра за этот поступок, который, как ничто другое, говорит о его выдержке и умении обращаться с солдатами».

Несмотря на любовь всего войска, у Александра были и противники. У трона всегда идет борьба за власть, и Александру постоянно приходилось иметь дело с заговорами. По одной из версий, Александр был отравлен старым другом его отца, полководцем Антипатром. Эту версию смерти великого полководца приводит все тот же Арриан: «Я знаю, что о кончине Александра написано еще много другого. Рассказывают, что Антипатр прислал Александру яд, и он от этого яда и умер; яд же для Антипатра изготовил Аристотель, который стал бояться Александра, узнав о судьбе Каллисфена, а привез его Касандр, брат Антипатра...» Правда это или просто очередная попытка объяснить безвременную гибель Александра, неизвестно.

Победы на поле «страсти нежной»

Истории из жизни Александра изобилуют батальными сценами, но что же происходило на любовном фронте великого завоевателя? Классические источники не характеризуют Александра как человека пылкого и чувственного. Как указывает Плутарх, «он был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно».

Также Плутарх пишет, что «Александр считал способность владеть собою для царя важнее, нежели даже умение побеждать врагов». Александр же говорил так: «Сон и близость с женщиной более всего другого заставляют меня ощущать себя смертным».

Плутарх рассказывает о двух случаях, когда Александру предлагались в качестве подарка очень красивые юноши. Однако Александр с яростью отреагировал на эти соблазны. Царь отнесся к предложенным для любовных утех мальчикам как к «испорченным созданиям» и «сделал жесткий выговор» тем, кто предлагал их.

Что касается тех восточных женщин, что попали в плен во время его кампаний, то Александр сказал, что «вид персиянок мучителен для глаз», и, «желая противопоставить их привлекательности красоту своего самообладания и целомудрия, он не обращал на них никакого внимания, как будто они были вовсе не живыми женщинами, а безжизненными статуями».

Однако, на наш современный взгляд, говорить об умеренности Александра вряд ли стоит. Просто официальная биография царя должна была быть выдержана в определенном ключе. Из бесспорных источников известно, что у Александра было три жены (но не стоит забывать о политических мотивах браков лиц, находящихся у власти), одна любовница, один пожизненный любовник и сексуальная связь с евнухом (кастратом). А также, возможно, несколько связей на одну ночь. Что ж, античные моральные устои допускали подобное.

Особо стоит рассказать о Барсине. Барсина была дочерью Артабаза, высокопоставленного перса и, возможно, в прошлом – сатрапа Фригии на Геллеспонте. Он и его семья жили в приюте при дворе Филиппа в период с 352-го по 342 год до н. э., так что Барсина и Александр могли знать друг друга с детства. Когда же ее изгнание закончилось, она стала женой Ментора Родосского, знаменитого военачальника Персии. После смерти Ментора в 338 году до н. э. Барсина вышла замуж за его брата Мемнона. Однако Мемнон умер в начале 333 года до н. э. – и Барсина овдовела опять. Когда она попала в плен в Дамаске (город захватил македонский военачальник Парменион), ей было за 20, и, предположительно, она была одного возраста с Александром, но, должно быть, уже являлась матерью четверых детей.

Источники говорят, будто Парменион одобрял любовную связь между Александром и Барсиной. Ее качества, говорит Плутарх, привлекли Александра, и он стремился «сблизиться с этой красивой и благородной женщиной». Она родила ему одного ребенка – Геракла, вероятнее всего, в 327 году до н. э.

Нельзя подобрать точный термин, который бы отражал суть отношений между Барсиной и Александром, – она не была ни любовницей, ни наложницей. Особенность ее положения состояла в том, что она являлась женщиной царя, имела особый статус, престиж и некоторое политическое влияние, не будучи женой царя. И это было вполне приемлемо для побежденных персов.

После сражения на Иссе в конце 333 года до н. э. Александр захватил в плен семью царя Дария, включая его сестру-жену царицу Статиру. (Известно, что царь Дарий и царица Статира были единокровными братом и сестрой, то есть у них был один отец.)

Статиру почитали самой красивой женщиной Азии, «никто в ее поколении не был краше ее», писал Курций, однако Александр гордился тем, что ни разу не посягнул на ее неприкосновенность. Хотя источники подтверждают факт, что она умерла в 331 году до н. э. перед боем

при Гавгамелах, причем как Юстин, так и Плутарх отмечают, что умерла она «при родах» или «после случившегося выкидыша».

В своих комментариях краткого пересказа Юстина историк Вальдемар Хекель подводит итог: «Так что истинной целью истории о том, что Александр относился к персидским пленным с уважением, была демонстрация его сдержанности, а также попытка предотвратить скандал, который мог бы разразиться по причине смерти царицы».

Об этой самой «прекрасной царице своего времени» Плутарх говорит словами Александра: «Никто не может сказать, что я видел жену Дария, желал ее увидеть или хотя бы прислушивался к тем, кто рассказывал мне о ее красоте».

Однако Курций утверждает, что Александр однажды ее видел, а Диодор приводит небольшой диалог, который произошел между ними. Курций добавляет, что, узнав о кончине Статир, Александр сам «нуждался в том, чтобы утешиться, чем чтобы утешить других». Александр отреагировал так, как если бы умер один из его родственников, рассказывает Курций. И царь Дарий немедленно заключил, что Александр был замешан в смерти его жены, приказав пытать Тириота, который принес ему эту новость. Мы никогда не узнаем в полном объеме правду о влечении Александра к Статире, и даже если оно не было сексуальным, его глубокая скорбь стала достойной причиной упоминания имени царицы Статир в списке женщин Александра.

В Гиркании, на южном побережье Каспийского моря, Александра в 330 году до н. э. посетила легендарная царица амазонок Фалестрис, также известная как Минития. Диодор Сицилийский описал этот эпизод: однажды к Александру Македонскому явилась царица Фалестрис со словами: «Я пришла иметь от тебя ребенка, так как из всех мужчин ты совершил наиболее великие подвиги, а среди женщин нет выше меня по силе и храбрости».

Однако Плутарх предполагает, что она встретила Александра позже, в 329 году до н. э., возле реки Яксарт в Центральной Азии. Она проехала 200–600 миль, чтобы встретить Александра.

«Платье амазонок не закрывает всего тела, – пишет Курций. – Левая сторона обнажена до груди. [...] Одна грудь сохранена, чтобы кормить ребенка женского пола, правая выжжена». Глаза Фалестрис изучили тело Александра, и она нашла, что оно равно его славе, продолжает Курций. И будучи в полном вооружении, она просто умоляла Александра предоставить себя ей для того, чтобы зачать ребенка. Они провели как пара тринадцать дней (об этом пишут и Юстин, и Диодор), пока Александр «удовлетворял ее страсть», хотя мотивации и инициативы было гораздо больше у Фалестрис, чем у Александра (Курций).

Фалестрис ушла, когда посчитала, что точно забеременела. Однако финал этого события неизвестен. И более критичные источники эту историю не подтверждают. «Аристокл, секретарь Александра Харет, Птолемей, Антиклид, Филон Фиванский, Филипп из Феангелы, а также Гекатей Эретрийский, Филипп Халкидский и Дурид Самосский утверждают, что это выдумка», – рассказывает Плутарх. Известно высказывание Лисимаха, бывшего соратника Александра и в дальнейшем царя Фракии, когда эта история была ему пересказана: «А где же я был тогда?»

Впрочем, что это мы все о женщинах... В 330 году до н. э. персидский аристократ Набарзан сдался на милость Александра, при этом сделав ему щедрый дар – прекрасного евнуха Багой.

Набарзан был одним из трех убийц царя Дария III, однако Багой упросил Александра помиловать Набарзана за его преступление. Курций дает довольно подробное описание Багой: «Юноша-евнух в расцвете юности и красоты, которого любил Дарий, вскоре полюбил его и Александр».

Багой был рядом с Александром на протяжении его восточных походов, об этом упоминал Арриан, потом в Индии. Багой «приобрел привязанность Александра благодаря своему

телу». Однако персидский сатрап-узурпатор Орсин отказался оказывать почет евнуху, заявив, что он не желает относиться с уважением к «шлюхам» и мужчинам, «пороком уподобившихся женщинам». Курций описывает Багоя как «презренного любовника», указывая, что тот продолжал интриговать против Орсина «даже в момент страстных и постыдных переживаний». В результате Александр Орсина казнил.

Плутарх тоже подтверждает связь Александра с евнухом и рассказывает о событии, имевшем место в Гедросии в конце 325 года до н. э., когда их союз был одобрен армией. «Македоняне принялись рукоплескать и кричать, чтобы царь поцеловал Багоя; они не успокоились до тех пор, пока Александр не обнял и не поцеловал его».

Следующим в ряду привязанностей Александра идет Эксципин, он был «молодым человеком, которого он (Александр) приблизил к себе из-за цветущей его юности» (Курций). Курций сравнивает его с другом Александра Гефестионом, говоря, что Эксципин соперничал с Гефестионом в красоте, однако ему не хватало очарования последнего, потому что он был менее мужественным. В этом тексте Курций называет Эксципина «*conciliatus*» – что может обозначать как «друга», так и «любовника», и эта утонченная игра слов открывает широкие возможности для намеков.

Гефестион, быть может, являлся не только величайшей любовью Александра, но и единственной истинной любовью. Гефестион был другом детства Александра, они были приблизительно одного возраста, вместе обучались у Аристотеля в храме нимф в Миезе. Когда Александр прибыл в Трою в 334 году до н. э., он и Гефестион отдали дань памяти на могилах Ахилла и Патрокла, – подчеркивая факт, что их взаимоотношения, как говорили, были отражением отношений воинов-любовников из «Илиады» Гомера.

Александр и Гефестион вместе читали письма, приходившие к Александру, даже личные письма, которые присылала мать царя Олимпиада. «Александр не воспрепятствовал ему, но, сняв с пальца кольцо, приложил его к губам Гефестиона» (Плутарх). Арриан говорит, что Александр любил Гефестиона «больше всего в мире».

Когда Гефестион скончался в 324 году до н. э. в Экбатанах, Александр «упал на труп друга и так и пролежал, рыдая, большую часть дня» (Арриан). По Плутарху, скорбь Александра была «без границ». Он казнил врача Гефестиона. В походе против коссеев в начале 323 года до н. э. Александр назвал вражеские потери «заупокойной жертвой духу Гефестиона».

Гефестиона похоронили весной 323 года до н. э., после нескольких месяцев приготовления, церемония обошлась в 10 000 талантов (Плутарх). Диодор называет еще большую сумму – 12 000 талантов.

Гефестион не был великим военным тактиком, он состоял в должности главного командира кавалерии (после 328 года до н. э.). Его выдающееся положение в империи, должно быть, целиком зависело от привязанности Александра.

Перейдем теперь к законным бракам. Итак, Роксана, ее персидское имя – Рокшанек – означает «маленькая звезда». Курций пишет, что Роксана сразу завлекла Александра, «невоздержанного в своих страстях благодаря покровительству Фортуны». Далее он пишет: «В свое время Александр с отцовским чувством любовался женой Дария и его двумя дочерьми-девушками, по красоте ни с кем, кроме Роксаны, не сравнимыми. Теперь же он распалился любовью к девушке совсем не знатной [...]. Царь Азии и Европы взял себе в жены девушку, приведенную для увеселения на пиру, с тем чтобы от нее родился тот, кто будет повелевать победителями».

Нет сомнений, что Роксана была первой официальной женой Александра. Арриан рассказывает, что она была «девушкой на выданье» и «воины Александра говорили, что после жены Дария они не видели в Азии женщины красивее. Александр увидел ее и влюбился». И поэтому, хотя она была пленницей, Александр отказался спать с ней до свадьбы.

Однако современные ученые все-таки в заключении этого брака видят и крупные политические мотивы. Вероятно, Александр хотел умиротворить военачальников Бактрии и Сог-

дианы, которые противились его воле. (Роксана была дочерью сатрапа Согдианы Оксиарта.) Свадьба состоялась весной (или же в августе) 327 года до н. э. Через год Роксана родила от Александра мертвого ребенка. И она снова была беременной, когда Александр умер в июне 323 года до н. э.

Историки интерпретируют ее характер в очень широком диапазоне – от «пассивного ничтожества» до «хитрости первой дамы». Она убила вторую жену Александра Статиру и ее сестру Дрипетиду – вдову Гефестиона – летом 323 года до н. э.: «До крайности ревнивая и страстно ненавидевшая Статиру, она при помощи подложного письма заманила ее [...]. Причем Пердикка знал об этом и даже помогал ей» (Плутарх).

В 320 году до н. э. Роксану взял под стражу македонский регент Антипатр, а в 310 году до н. э. она была убита его сыном Кассандром.

Царевна Парисатида, дочь последнего «воистину великого» царя Персии Артаксеркса III, стала третьей женой великого полководца. В феврале 324 года до н. э. Александр приказал самым лучшим своим воинам жениться в Сузах (южный Иран), где сам женился на Статире, старшей дочери Дария III, а также на Парисатиде, дочери Артаксеркса III.

Когда (в конце 331 года до н. э.) победоносная армия Александра пошла дальше, Статира и ее родственники остались в Сузах. У нас мало доказательств привязанности Александра к Статире, помимо его «отцовских чувств» (Курций). Статира и ее сестра Дрипетида были убиты в 323 году до н. э. Роксаной, что «бросила их трупы в колодец и засыпала землей» (Плутарх). Но что случилось с третьей женой Александра Парисатидой, нам неизвестно.

Как свидетельствуют дошедшие до нас древние исторические документы, внуков у Александра не было. Все его официально известные дети были убиты в довольно юном возрасте во время борьбы наследников за трон. И тем не менее, несуществующие внуки продолжают появляться, «находиться» каждый раз, когда кто-то хочет доказать свою кровную связь с Александром и происхождение от его потомков. Однако исторические факты вытесняют эти семейные легенды в область чистой выдумки.

Приобщенный к тайным знаниям

Александр Македонский известен главным образом благодаря своему полководческому гению. Менее известны его эзотерические деяния, связанные с посвящением в древние тайные культы, тщательно скрываемую науку египетских жрецов.

Как мы помним, тайной окутано было само его рождение. Сын царя Филиппа II, по легенде, имел божественное происхождение. Скрывается ли за этой легендой только понятное стремление подняться над другими или что-то большее? По утверждению жрецов, отец Александра Филипп тоже был «не из числа смертных». При этом следует помнить, что и мать Олимпиада была посвящена в древние таинства. «Накануне той ночи, когда невесту с женихом закрыли в брачном покое, Олимпиаде привиделось, что раздался удар грома, молния ударила ей в чрево и от этого удара вспыхнул сильный огонь; языки пламени побежали во всех направлениях и затем угасли» (Плутарх. «Жизнеописания»).

В этом узнается судьба Александра, завоевателя «половины мира», блеснувшего и быстро угасшего. Видели, как уже ранее упоминалось, также змея, лежащего вдоль тела Олимпиады. Филипп решил, что «она связана с высшим существом», и больше не разделял с ней царское ложе. Таковы, по легенде, обстоятельства удивительного рождения будущего полководца.

Позднее Александр Македонский также приобщился к тайным наукам, это произошло в Древнем Египте, считавшемся тогда центром мудрости. Жрецы этой страны хранили уникальные знания, доставшиеся им еще с древнейших времен, чуть ли не предшествовавших Всемирному потопу, когда, как они утверждали, человеческая цивилизация находилась на гораздо более высоком уровне, чем в античные времена.

Как известно, воспитателем и учителем Александра был Аристотель (384–322 гг. до н. э.), сам обладавший сокровенными (эзотерическими) знаниями, причем Аристотель был, в свою очередь, учеником Платона, который постиг многое на пути мудрости.

Когда его ученику Александру стало известно, что Аристотель написал книгу, излагавшую эти тайные знания, он упрекал его в их разглашении. Плутарх, описывая возмущение Македонского по поводу опубликования Аристотелем некоторых учений философа, приводит весьма показательное письмо полководца: «Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же мы будем отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах».

Успокаивая уязвленное честолюбие и удовлетворяя чувство превосходства Александра над «остальными людьми», Аристотель в своем ответе ему объяснил, что «хотя эти учения и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы».

Можно догадаться, что Аристотель был обеспокоен сохранением той же монополии на знание еще больше, чем Александр, поскольку намекает Александру, что написанный им труд в некотором смысле ущербен и не позволяет овладеть знанием в полной мере по его прочтении: требуются еще некие объяснения, а возможно, и не только объяснения...

Так что, с точки зрения адептов знания, Александр Великий – хоть и творец империи и ученик Аристотеля, но такой же представитель толпы, как и все прочие, не принадлежащие к жречеству.

Этот исторический факт, описанный Плутархом, показывает, что элита и жречество, в меру своего понимания, охраняли монополию на знание и сотрудничали в сфере «управления».

Большинство знает Плутарха как одного из писателей-историков древности, но мало кому известно, что он был, по совместительству, так сказать, еще и верховным жрецом Дельфийского оракула, в обязанности которого входило общее руководство его предсказательной деятельностью и доступом остального общества к полученным результатам.

Из приведенного диалога в переписке между Александром и Аристотелем видно, что разница в миропонимании между Александром и Аристотелем – результат воздействия системы образования: Александр – ученик и простой «рядовой член общества», Аристотель – идеологический хозяин; но и сам Аристотель – простой «рядовой жрец» своих мировоззренческих хозяев, верховных жрецов.

Диоген Лаэртский утверждал, что посвященные хранили записи знаний, уходящих в прошлое на 49 тысяч лет до Александра Македонского. Посвященные из страны Озириса говорили Солону, одному из семи древнегреческих мудрецов: «Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца...» Такой громадной казалась разница между высокообразованными египетскими жрецами и самыми мудрыми и знающими из греков. Именно с этим багажом тайного учения Александр Македонский отправился завоевывать мир.

Наверное, он это сделал, решив проверить то, чему его научил Аристотель, или, другими словами, тайную жреческую науку. Он был категорически не согласен со своей ролью профана в глазах интеллектуальной элиты жречества. А обладателю тайных знаний становятся подвластны земля, водная стихия и небеса. И не в фигуральном, а в буквальном смысле. Отсюда страстное желание полководца испытать себя в этом и доказать, что он тоже имеет право стоять на равных с хранителями сокровенного знания.

Землю Александр покорил, триумфально завоевав Персию, Аравию, Кавказ, Среднюю Азию, Индию, то есть весь мир, по крайней мере в той части, которая была известна грекам.

Александр считал, что на востоке существует Великое Восточное море, которое из Индии приведет его снова в Египет. Но, увы, этот путь завоеватель пройти не сумел. А ведь это была бы дорога к открытию Америки – только с западного берега, а не с восточного, как это сделал Колумб. Во всяком случае, тайные знания указывали ему на наличие морской дороги, через которую можно попасть к «антиподам» (выражение Аристотеля), то есть людям, ходящим по отношению к европейцам «вверх ногами» (в античности знали, что Земля круглая).

Характерно упорное стремление Александра в Индию. Легенды хранили предания об удивительной мудрости тамошних аскетов, постигших суть мира. Полководец встретился с ними, но в чрезвычайной военной обстановке, и имел беседу, вошедшую во все хрестоматии об античности. Гимнософисты, так называли греки индийских мудрецов, разочаровали завоевателя.

И тогда Александр решил исследовать следующую стихию – водную. Он плывал на кораблях по великим рекам, выходил в Великое Восточное море. Построить непревзойденный флот? Да, этим, по поручению Александра Македонского, занялся Неарх.

Но этого было мало. Полководец решил опуститься под воду. Существует старинное изображение Александра Македонского, опускающегося под воду в аппарате, напоминающем стеклянную бочку, прозрачную, герметически закупоренную, с люком наверху и зажженными светильниками внутри. «Бочку» поддерживают тросы. Царь Александр сидит внутри аппарата с поджатыми ногами и наблюдает разворачивающуюся перед ним картину жизни моря. Итак, и эта стихия была познана и покорена. Оставалось небо?

О полетах в небо и даже к звездам в древности писали гораздо чаще, чем думают сегодня. Мечта достичь небес никогда не оставляла людей.

В Египте обнаружена деревянная модель планера, изготовленная 25 тысяч лет назад. Священные книги Индии подробно рассказывают о «виманах», огненных летательных аппаратах. Предания викингов сохранили воспоминания о «вафелн» – летательных аппаратах, которые оставляли за собой вихрь огненных искр. Вавилонский царь Этана (2,5 тысячи лет до н. э.)

летал в небо и увидел оттуда Землю маленькой, как корзина. Но как это могло осуществиться в эпоху неолитических цивилизаций, остается загадкой.

Во втором столетии до н. э. некий александрийский автор рассказал в своих хрониках о жизни Александра Македонского. Рукопись была снабжена рисунками. Она стала известна в Древнем Риме, а затем некоторые из рисунков повторены в Средние века в немецкой рукописной книге, снабженной миниатюрами средневекового художника. Рукопись датируется где-то 1320 годом. В ней есть замечательная миниатюра. Она изображает полет Александра Македонского «на небо». Царь сидит на троне в некоей кабине, которую влекут вверх четыре упряжки из орлов, по три орла в каждой. Орлы, конечно, сегодня вызывают усмешку.

Эти фигуры можно трактовать лишь как символ полета вверх, преодоления земного тяготения, символ могучей силы, которая уносила царя «за пределы», покорять все новые земли и миры. В этом случае все становится на свои места, и миниатюра не кажется фантастической.

Итак, Александр Македонский, вооруженный тайными знаниями и выполняя предначертания жрецов, исследовал море, небо и землю. Он познал все. В это время ему было 32 года и 8 месяцев. Царствовал он 12 лет и 8 месяцев. И посвященному во все тайны мира стало скучно. Покорив все земли вплоть до Восточного моря, он потерял интерес ко всему. Стал вспыльчив, раздражителен, подвержен немотивированному гневу: убил лучшего друга за пустяковое слово. Он словно ищет смерти. И она приходит...

Александр, этот самый могущественный из царей древности, покоривший полмира, заболел лихорадкой. По поводу смерти Александра существуют многочисленные легенды. По одной из них, его отравили разочарованные учеником жрецы, переправив яд в копыте мула. По другой версии, он заболел малярией. По третьей, ему была подарена диадема, оправленная гранатами, которые на жарком южном солнце прожгли его мозг, словно лазерный луч. По четвертой, Александр подхватил инфекцию, купаясь в грязных и мутных водах Евфрата... Что ж, загадка его смерти заслуживает отдельного подробного рассказа.

Так или иначе, но он ушел в самом расцвете земных лет. Русский поэт и прозаик Михаил Кузмин (1875–1936), представитель блистательного Серебряного века русской литературы, нарисовал нам яркую картину кончины Александра Великого, последние часы его: «В воздухе нависла густая мгла, и на небе днем взошла необыкновенной величины звезда, быстро идущая к морю, сопровождаемая орлом, а кумиры в храме медленно со звоном колебались. Потом звезда снова пошла в обратный путь от моря и встала, горя, над покоем царя. В то же мгновение Александр умер». Умер Александр Македонский, создатель империи, одержавший великие победы над земными пространствами, водными стихиями и временем...

Странная смерть Александра Македонского

Итак, создатель империи, простиравшейся от Индии до Ливии и Балкан, первый человек, названный древними Великим, полководец, чьей славе завидовал Юлий Цезарь, умер в Вавилоне 10 июня 323 года до н. э. в возрасте неполных 33 лет, но до сих пор неизвестно от чего...

Версий у историков хватает: отравление, грипп, полиомиелит, лихорадка, брюшной тиф... Основные гипотезы основаны на исторических описаниях симптомов его двухнедельной болезни. Есть и более экзотические варианты. Например, в приключенческом романе Ивана Ефремова «Лезвие бритвы» говорится о таинственном шлеме Александра Македонского, причинявшем вред неосторожным владельцам...

Что же мы знаем о смерти Александра, которая положила конец его империи? Почти за две с половиной тысячи лет, что прошли с тех пор, о великом полководце написаны сотни, если не тысячи, книг. В основе всех серьезных исследований лежат труды античных историков, у которых был доступ к дневникам двора Александра и книгам его полководцев. До наших дней эти первоисточники не дожили. Историки, о которых идет речь, это, в первую очередь, Квинт Энний Флавий Арриан (ок. 95–175 гг.), Плутарх (ок. 45–127 гг.) и Диодор Сицилийский (ок. 90–21 гг. до н. э.).

Они почти одинаково описывают события месяца десья в 114 олимпиаду при Гегесии, архонте афинском, что соответствует концу мая – началу июня 323 года до н. э., когда болезнь за две недели унесла жизнь Александра.

Лихорадка началась внезапно, после очередного из бесконечных пиров в Вавилоне, откуда буквально через считанные дни армия Александра должна была выступить на Запад через Аравию.

В провинциях на берегах Средиземного моря готовилось несчетное множество кораблей для завоевания Италии, Сицилии, Иберии и Африки. А флот, находившийся в Вавилоне, должен был с юга обогнуть Африку и проникнуть в Средиземное море через Геркулесовы столбы, нанеся с запада удар по Карфагену.

Прошлое не знает сослагательного наклонения, но один из крупнейших историков нашего времени сэр Арнольд Тойнби попытался воспользоваться им в небольшом рассказе «Если бы Александр не умер тогда...» и выказал уверенность, что после завоевания всего бассейна Средиземного моря он бы, закончив покорение Индии, присоединил к своей империи и Китай. Ведь ему было всего 32 года и 8 месяцев от роду.

Приступы обессиляющей лихорадки следовали один за другим. «Болезнь усиливалась; созвали врачей, но никто не смог ничем помочь», – пишет Диодор. Приказ о выступлении в поход был отменен.

«Военачальников он узнавал, но сказать им ничего не мог; голоса у него уже не было», – отмечает Арриан. «Ни у кого первоначально не было подозрения в отравлении», – свидетельствует Плутарх. Лихорадка – единственный диагноз, который смогли поставить врачи, пользовавшие Александра.

Лишь через шесть лет появился донос, в котором сообщалось, что властителю половины мира на пиру был дан яд в вине, а к его изготовлению якобы был причастен учитель Александра Аристотель. Многих по этому доносу казнили (философ до доноса не дожил, скончавшись через год после ученика). Сообщая версию с ядом, Арриан говорит: «Я записал это скорее для того, чтобы показать, что я осведомлен в этих толках, а не из доверия к ним».

«Большинство считает рассказ об отравлении выдумкой», – подчеркивает Плутарх. Очень немногие яды провоцируют повышение температуры, а в те времена такие, что вызывают длительную высокую лихорадку, известны не были, констатируют специалисты по инфекционным заболеваниям.

В последнее время специалисты «на глаз» диагностировали у Александра тиф, но, как указывают исследователи, он очень заразен, а о массовых заболеваниях в Вавилоне дворцовые летописцы не сообщали.

Два американских врача-исследователя – эпидемиолог Джон Марр из департамента здравоохранения штата Вирджиния и специалист по инфекционным заболеваниям Чарльз Кэлишер из Университета штата Колорадо в Форт Коллинз – на этом же основании отвергают грипп и исключают малярию, шистосомоз, туляремию, эндокардит и другие болезни, опираясь на современные медицинские знания. Марр и Кэлишер выдвинули новое предположение: причиной смерти Александра явился западно-нильский энцефалит. Они убеждены, что смерть Александра Македонского наступила от укуса комара, который был переносчиком вируса лихорадки Западного Нила, и именно она стала причиной гибели непобедимого полководца. Научно Марр и Кэлишер обосновали гипотезу на страницах вестника «Emerging Infectious Diseases», посвященного инфекционным заболеваниям. Вирус энцефалита заражает птиц и животных, а людям передается посредством укусов кровососущих насекомых.

У авторов новой версии вызвали особый интерес слова древнегреческого писателя и историка Плутарха, на которые исследователи раньше не обращали внимания: «Подъехав к городским воротам (Вавилона), он увидел стаю воронов, разлетавшихся в разные стороны и клевавших один другого. Несколько птиц упало возле него».

Именно из-за этих двух фраз им пришла в голову мысль о лихорадке Западного Нила, которая поражает не только людей, но и птиц, в особенности семейства вороновых. Медики проверили свою догадку на электронной диагностической программе ГИДЕОН (GIDEON – глобальная сеть инфекционных заболеваний и диагностики). «Когда мы ввели все симптомы Александра и добавили птиц, ответ был – стопроцентная лихорадка Западного Нила», – сказал Кэлишер в интервью журналу «Nature». А исследователям раньше не приходила в голову мысль о лихорадке Западного Нила, «потому что она получила мировую известность лишь в 1999 году, когда случайно была занесена в Соединенные Штаты. Только в 2010 году вирус унес жизни 240 американцев, а переболели лихорадкой, по данным министерства здравоохранения страны, около 9000 человек».

Эта болезнь, распространенная в Африке, Западной Азии и на Ближнем Востоке, эндемична и была идентифицирована лишь в 1937 году в Уганде. В Ираке три разновидности комаров являются переносчиками этого вируса. Болезнь продолжается от трех дней до трех недель, инкубационный период – такой же.

Кстати, после возвращения в Вавилон из Мидии Александр, согласно Арриану, плавал, «сам правя триарой», по озерам, лежащим среди болот, где и размножаются комары – переносчики вируса. Лихорадка обычно приводит к летальному исходу лишь у людей с ослабленным организмом, а в последние месяцы своей жизни молодой царь, и раньше не чуравшийся попок, просто не знал меры в вине.

Тайна гробницы Александра Великого

После смерти царя восемь его военачальников-диadoхов поделили империю между собой. Александр говорил, что хотел бы быть погребенным в храме бога Амона-Ра в египетском оазисе Сива. Но Птолемей, которому достался Египет, решил построить мавзолей в своей столице Александрии.

Усыпальница была выполнена с великолепием, подобающим обожествленному основателю города. Гробницу эту посещал Юлий Цезарь, принесший богатые дары. Император Август водрузил на голову Александра золотой венок. А император Калигула, напротив, присвоил себе нагрудник царя и носил его в торжественных случаях. Последним из римских императоров в усыпальнице в 215 году побывал Каракалла, который возложил на гробницу свой пурпурный плащ и драгоценные украшения.

После этого достоверных сведений о гробнице нет.

А после провозглашения христианства государственной религией Византийской империи в 392 году в Александрии началось разрушение языческих храмов и реликвий. Многие историки считают, что к 397 году была уничтожена и гробница Александра, но документов на сей счет нет. Согласно одной из легенд, саркофаг с телом был вывезен из Александрии и спрятан в тайном месте. Поиски его идут много столетий. Только в прошлом веке могилу искали около 150 (!) официальных экспедиций. С 1805 года семь раз объявлялось, что она найдена, в том числе дважды в 1990-е годы. Но гроб Александра до сих пор не найден.

Пропавший флот Александра Македонского

К фактам истории, которые можно поставить в разряд курьезов, относится и пропажа огромного флота Александра Македонского чуть ли не на следующий день после его смерти.

Александр Македонский, завоевав все ему известные государства древности, вдруг увидел новые перспективы. И его горделивое желание – стать царем всей земли – отодвигается за край изведанного. Что там, за краем? Македонский уже не мог довольствоваться достигнутым. Его властолюбие переродилось качественно – верх взяла ненасытная жажда: могучее любопытство превратило его из завоевателя в первооткрывателя земель.

В свои победоносные походы Александр брал еще и великую армию ученых – естествоиспытателей и географов, историков-хронистов, философов, художников-картографов. Через две с лишним тысячи лет его опытом воспользовался Наполеон.

Гумбольдт считал, что начиная с 330 года до н. э. полководец поставил свои походы на службу географическим открытиям.

Александр Македонский хотел увидеть край света – место, где рождается солнце. Ему давно внушили, что он сын вовсе не Филиппа, а солнечного бога Амона. Произошло это еще в египетском походе, где он узнал много интересного.

Как пишет Плутарх, «Александр отправился к храму Амона. Дорога туда была длинная, тяжелая и утомительная. Более всего путникам грозили две опасности: отсутствие воды, ибо много дней они шли пустыней, и свирепый южный ветер, который обрушивался на них среди зыбучих, бесконечных песков. Говорят, что когда-то в древности этот ветер воздвиг вокруг войска Камбиза огромный песчаный вал и, приведя в движение всю пустыню, засыпал и погубил пятьдесят тысяч человек. Все это было заранее известно почти всем, но если Александр ставил перед собой какую-либо цель, удержать его было невозможно. Ибо судьба, покровительствовавшая его устремлениям, делала его упрямым. Он не только ни разу не был побежден врагами, но даже оказывался сильнее пространства и времени; это поощряло его и без того пылкое честолюбие и увлекало на осуществление самых пылких замыслов». Следы этого войска (пятьдесят тысяч мумий?) ищут до сих пор. Если их найдут, это открытие затмит все в археологии.

Рожденный в горной стране предводитель непобедимой сухопутной армии вдруг увидел необозримые океанские просторы. До тех пор он успешно завоевывал государства народов Средиземного моря, сам практически не нуждаясь во флоте и пользуясь им во вспомогательных целях. Необходимость морских сил он осознал лишь в результате восточных походов.

В 334 году до н. э. греко-македонская армия двинулась вдоль северного побережья Эгейского моря по направлению к Геллеспонту. Флот Александра должен был достичь города Сеста на берегу пролива и быть в готовности конвоировать сухопутное войско, форсирующее Геллеспонт. Этот флот принадлежал Афинам и другим морским державам из числа греческих союзников Александра, хотя у македонцев вообще-то флот был. Он, правда, использовал его для пиратских рейдов. В состав флота входили триеры, тетреры и пентеры (соответственно, трех-, четырех- и пятипалубные корабли).

Александр использовал этот флот очень осторожно, так как греческие союзники не внушали ему доверия. Афиняне, например, он уговорил участвовать в походе, надавив на их самолюбие. «Разве вы забыли, – убеждал он их, – что именно персы сожгли Афины полтора столетия назад и увезли ваших отеческих богов. Разве вы не хотите отомстить за свой разоренный город и за все страхи, которые вы пережили?»

Александр еще и потому не возлагал особых надежд на греческий флот, что персидский флот превосходил его. Морские силы персов состояли из 400 судов, включая финикий-

ские и кипрские, первоклассные, с превосходной маневренностью. Греческий же флот в начале Восточного похода состоял из 160 судов.

Как известно, поход Македонского увенчался полным успехом. И по мере расширения завоеваний росло и желание полководца иметь мощный флот. Поначалу главные верфи для строительства собственных кораблей находились в Тире и на Кипре, возможно, на Родосе. Затем верфи появились на востоке.

Итак, Македония овладела землями от Греции до Индии, включая страны Средиземноморья, – почти всем тогда известным миром, всей ойкуменой. После покорения Индии там началось интенсивное кораблестроение, создание небывалого по величине и мощности морского флота. Именно там македонцы построили корабли, которые можно было легко разбирать, перевозить на повозках, а затем снова собирать.

Новое в кораблестроении было подсказано самой природой Индии: наличием в ней большого количества судоходных рек. Кроме того, Македонский позаботился об изготовлении множества плотов из кожаных мешков, набитых сеном. В этом он не был оригинален, кожаные бурдюки входили в состав экипировки еще воинов Вавилона – наполненные воздухом, они служили для переправы войск через Евфрат.

В ноябре 326 года до н. э. строительство македонского флота на реке Гидаспе в Индии было закончено. Морским главнокомандующим – навархом – был назначен полководец Неарх, с чьим именем и связана история флота Александра Македонского. Неарх оставил описание своих трудов и битв, этими описаниями в первую очередь воспользовался историк древности Арриан.

Неарх был критянином по происхождению, верным другом великого полководца. Вместе с юным Александром он был изгнан из Македонии, вместе с ним вернулся, чтобы разделить походы и славу великого завоевателя.

Все, что произошло с Неархом после смерти Александра, до сих пор неизвестно.

В начале греко-македонских походов Неарх занимал должность гетайра, активно действовал в новой администрации, с помощью которой Александр пытался управлять регионом, завоеванным еще его отцом Филиппом. В 334 году до н. э. Неарх был наместником Ликий и Памфилий на крайнем юге Малой Азии. Когда царь находился в Средней Азии, Неарх привел к нему в 329–328 годах до н. э. греческих наемников, а во время вторжения войск Александра в земли ассакенов, к северу от слияния рек Кабул и Инд, он возглавил разведывательный отряд легковооруженных воинов. Словом, это был испытанный человек, да еще с критскими мореходными корнями. Думается, при выборе Александром главнокомандующего флотом Неарху не было альтернативы.

Новый флот македонского царя и властителя видимого мира состоял из кораблей, количество которых оценивается по-разному. Наиболее точной считается цифра в 2000 кораблей; вариант – 1000, так считают Курций Руф и Диодор. Во всяком случае, 80 из них были тридцативесельными. Было много грузовых судов для перевозки лошадей, а также речных кораблей. Флот в Индии получил важное задание.

Поздней осенью 326 года до н. э. Александр выступил с ним из Гидаспа – гавани и верфи, построенных специально для создания флота. На суда погрузили 8000 человек. Арриан писал: «Не было с чем сравнить шум от плеска весел, криков командиров и возгласов гребцов. Эхо разносилось по пустынным лесам по обе стороны реки. Вид лошадей на баржах, их огромное количество потрясли местных жителей».

После многодневного плавания корабли достигли устья реки Аксесины. При слиянии ее с рекой Гидасп флот соединился с сухопутным войском, которое вели Кратер, Гепестийон и сатрап Индии Филипп по берегу Гидаспа. Здесь флот подвергся первому испытанию.

При слиянии индийские реки образовывали бурные водовороты. Александр изумился реву и грохоту речных вод, а его воины устремились предстоящего единоборства со стихией.

Предпринять они ничего не успели. Многие корабли пострадали, два военных судна столкнулись и разбились, погибло много воинов. Легкие суда были выброшены на берег. Быстрина чуть не унесла корабль с самим царем. Когда реки расширились, суда смогли пристать к берегу и бросить якоря.

Первая экспедиция провалилась.

В январе 325 года до н. э. Александр возобновил поход на юг Индии. Число судов было увеличено, они спустились к Инду, достигли области маллов, живших на берегу реки Гидраота, и продолжали двигаться по рекам Аксесин и Инду до города Патталы.

В Паттале тоже была устроена гавань и сооружена верфь. Затем Александр решил идти к морю. Лучшие суда поплыли вниз по западному рукаву дельты Инда. По левому его берегу шел сухопутный отряд в 10 000 фалангитов, сопровождавший корабли на всем пути. Плавание было тяжелым, проводников не нашлось – покоренные местные жители, инды, хорошо знавшие лоцманское дело, разбежались. Македонцы имели смутное представление о пути, которым они следовали, вовсе не зная, что впереди. Неизвестно было, далеко ли океан, какие жители населяют эти регионы, каковы особенности реки и ее судоходность для военных кораблей.

Помехой стал юго-западный муссон. На второй день он принес бурю. Вместе с приливом он повернул течение реки. Ветер раскачивал суда, большая часть их была повреждена. Некоторые тридцативесельные корабли разбились. Флот был вынужден остановиться на ремонт. Тут македонцам удалось поймать несколько индов и потребовать от них лоцманских услуг.

Потом армия Александра получила другой ориентир, и то в иносказательной форме. Несколько воинов сошли с кораблей и отправились расспрашивать местных жителей-кочевников, далеко ли море; кочевники отвечали, что они вообще никакого моря не знают и не слышали, впрочем, на третий день пути можно дойти до горькой воды.

На третий день армия Александра Македонского действительно дошла до Эритрейского (Аравийского) моря. Проводники направили суда в канал. Там собрался весь флот.

И в это время начался океанский прилив. За ним последовал отлив. Морское явление оказалось для экипажей грозным испытанием... Они увидели в нем гнев богов. Море продолжало подниматься на невиданную высоту. В панике воины побросали весла. Корабли стремительно сталкивались друг с другом, трескали лопасти весел. Все это походило на грандиозное морское сражение. Когда вода с шумом отступила, все корабли оказались на мели, одни опрокинутые на нос, другие на борт. Берега усеялись разбросанным снаряжением, оружием, обломками судов. По обнажившемуся дну ползали морские чудища, выброшенные прибоем. И вот вода снова поднялась и обрушилась грозной волной, суда всплыли – кроме тех, что были наиболее прочно закреплены на берегу. Снова под напором воды началась игра в морское сражение, в которой гибли остатки флота.

Но Александр не терял присутствия духа. Он приказал выслать два судна на разведку. В результате уцелевшие корабли были выведены к устью Инда. На одном из островов дельты воины наконец-то высадились на сушу. Остров был достаточно велик и имел естественную пристань.

Отсюда неповрежденные суда вышли в открытое море и на востоке достигли другого острова – Крокала, расположенного против земель индийского племени арабитов. Флот вошел в удобную и узкую гавань, которую Непарх называл Александровской. Здесь были принесены обильные жертвы Посейдону на плотах, сыгравших роль алтарей и жертвенных костров одновременно.

Тогда же Непарх сообщил, что у него есть приказ отправиться в далекий морской поход. Они должны, плывя по Инду и вдоль Аравийского моря, попасть в Персидский залив, найти морскую дорогу в Евфрат, то есть установить связь по морю между Индией и Вавилоном, чтобы войскам не приходилось каждый раз преодолевать пустыню. Естественно, следовало произвести разведку побережий на всем пути плавания. Но немедленному выступлению флота поме-

шали сильные ветры, дувшие со стороны моря. Да и окрестные жители проявляли повышенный интерес к македонскому имуществу. Они промышляли не только воровством, но блокировали дельту реки и бряцали оружием. Неарх приказал высадиться на берег, разбить лагерь и обнести его каменной стеной. Три недели флот ждал попутного ветра. От нечего делать солдаты бродили по берегу и собирали диковинные раковины, не находя им никакого применения, хотя в той местности это были деньги.

Наконец начался мучительный поход вдоль берега, между островами, по мелям, подводным камням, при сильном прибое, высоких приливах и отливах. Пресная вода скоро кончилась, поэтому, приблизившись к устью реки Арабий, Неарх углубился вверх по реке на 40 стадиев (около 7 километров). Здесь солдаты нашли цистерны с водой, заботливо подготовленные по поручению Александра. Это был последний «контакт» войска и флота. Александр в это время с сухопутной армией в течение двух месяцев преодолевал безводную пустыню Гедросии (Белуджистан). Далее он двинулся в Карманию (Иран), где соединился с отрядом Кратера, своего молочного брата. Царь ничем не мог помочь флоту, потому что не имел о нем никаких известий.

За рекой Арабием раскинулись земли оритов. Это были совершенно дикие, почти голые и звероподобные люди, не знавшие даже металла. Однако первая встреча с цивилизацией их ничуть не напугала. Они выстроились на берегу с копьями, готовые разделаться со всяким, кто ступит на их землю. Было их человек шестьсот. Неарх выслал против них фалангитов, которые построились на мелководье и издали боевой клич. Дикари тут же разбежались и попрятались.

Далее путь лежал вдоль берегов Гедросии, где жили племена ихтиофагов – пожирателей рыбы. На кораблях уже царил голод. Хлеб кончился. Боясь, как бы команды (матросы, за македонцев он не переживал) не разбежались, Неарх предусмотрительно бросал якорь в открытом море. В жалких хижинах ихтиофагов покорители Востока, уже привыкшие к его роскоши, нашли немного рыбы и овец. Но на рыбу уже никто смотреть не мог, а мясо овец на поверку тоже оказалось почти что рыбой, которой этих овец с рождения кормили. Постоянно мучила жажда. Меню экипажи разнообразили устрицами и крабами. Каждый день приходилось отбивать два-три нападения варваров.

Неарх рассказывал в своем несохранившемся отчете, что когда они плыли из Киизы (Кунза), то столкнулись с необычайным явлением, повергшим их в ужас. Посреди моря вверх били струи воды. Гребцы побросали весла и стали прощаться с жизнью. Корабли остановились. Тогда Неарх проплыл вдоль линии застывших кораблей, отдавая приказ поднять как можно больше шума. Моряки закричали, забили веслами по воде, загремели трубы. Стадо китов решило не связываться с такими шумными соседями и ушло под воду.

В конце ноября 325 года до н. э. показались возделанные поля и сады. Это уже была Кармания (Иран), где македонцы нашли все, чтобы восстановить подорванные недоеданием и морской болезнью силы. На первой же стоянке, в Бадисе, матросы рассмотрели мыс, далеко выступающий в море. Оказалось, что до него плыть один день и это уже Аравия. У всех отлегло от сердца: Аравия грекам была известна, если не лично, то по корице, мирре, ладану и запискам античных географов.

Кормчий корабля Александра философ-киник Онесикрит из Астипалеи предложил Неарху обследовать береговую линию и посмотреть, ведут ли тамошние жители какую-либо торговлю. Однако флотоводец воспротивился этому замыслу, заявив, что должен сделать доклад Александру о том, за чем был послан, а послали его вовсе не за тем, чтобы плавать по Великому морю (Индийскому океану), а чтобы ознакомиться с прилегающей к морю страной. «Именно благодаря этому решению флот Александра и уцелел. Он не остался бы цел, если бы они поплыли дальше за аравийские пустыни, откуда, говорят, повернул обратно и Гиерон», – пишет Арриан.

Между тем никаких известий от сухопутного войска Александра и от него самого не поступало. Куда плыть дальше и где искать царя, никто не знал. Корабли вытащили на берег и занялись ремонтом, оградив стоянку двойным валом, чтобы корабли не унесло в море во время отлива. Наконец им попался какой-то странствующий или заблудившийся эллин, который поведал, что Александр находится всего в пяти днях пути от побережья. Неарх решил лично ехать к царю. Но гиппарх Кармании опередил его, отправившись самой короткой дорогой: как все добрые вестники, он рассчитывал на хорошее вознаграждение. Желаемое он получил, но это едва не стоило ему жизни, ибо шли дни за днями, а Неарх на горизонте не показывался. Александр решил, что гиппарх солгал ему, преследуя какие-то свои цели, и велел арестовать несчастного. Но, к счастью для последнего, 20 декабря прибыли Неарх и с ним шесть человек. Вид их был ужасен: оборванные, покрытые толстым слоем пыли и пота, измученные долгими переходами. Когда они предстали перед царем, тот разрыдался.

– Что с тобой, Александр? – спросил Неарх.

– Я радуюсь, что вижу вас живыми, и скорблю, что погиб столь могущественный флот! – ответил владыка Запада и Востока.

– Флот вовсе не погиб, а стоит в устье реки Ананис, – ответил Неарх. – Тебя, видимо, ввело в заблуждение то, что мы пришли, а не приплыли.

Узнав, что флот не погиб, царь ликовал даже больше, чем тогда, когда узнал, что завоевал всю Азию.

В честь Александра были устроены торжества. В течение семи дней македоняне шествовали по Кармании, подражая вакхическому шествию Диониса (впрочем, об этом мы уже писали).

В этот «торжественный» момент и было, вероятно, решено создать величайший флот мира. Выслушав подробный отчет о плавании, Александр сам вознамерился поплыть с большим флотом вниз по течению Евфрата, затем обогнуть Аравию и Африку и через Геракловы (Геркулесовы) столпы (Гибралтар) вернуться в Средиземное море. Эта идея не давала ему покоя давно. Как-то, когда солдаты стали роптать на слишком длинную и далекую войну, которую им приходится вести, он созвал военачальников и сказал им: «Если же кто-то жаждет услышать, где будет конец нашей войны, то пусть знает, что нам осталось недалеко пройти до реки Ганга и до Восточного моря. Оно же, утверждаю я, соединяется с Гирканским морем; Великое же море обходит всю землю (т. е. Александр Македонский считал Каспийское море частью Индийского океана). Я покажу македонцам и нашим союзникам Индийский залив, сливающийся с Персидским... От Персидского залива мы совершим на наших кораблях круговое путешествие вокруг Ливии (Африки) до Геракловых столпов. Таким образом, вся Ливия от самых Столпов и вся Азия станут нашими; границами нашего государства будут границы, которые бог назначил земле...»

Неарх вернулся к своему флоту и повел его вдоль берегов Персидского залива до устья Тигра, пользуясь услугами местных лоцманов. В начале 324 года до н. э. Александр встретился с ним на реке Паситигр у Суз, где Неарх был награжден золотым венком за спасение флота. Оттуда все отправились в Вавилон.

К тому времени в Вавилон прибыл еще один флот – по суше из Финикии до Евфрата в разобранном виде, а затем уже в виде судов вниз по реке. Соединенный флот в Вавилоне был усилен киприотами, которые привезли вместе с собой морское снаряжение и материалы для строительства новых кораблей. Прибыли новые экипажи кораблей, специалисты и рабочие – жители Финикии и других средиземноморских стран. Возле Вавилона вырыли новую гавань для 700 построенных кораблей, заложили верфи. На Евфрате начались военно-морские учебные сражения, иногда они носили шуточный характер: например, в одном из них противники закидывали друг друга яблоками.

Однако от кругосветной (по тем временам) экспедиции Александру пришлось отказаться. Огромная империя его именно из-за своей необъятности уже трещала по швам. Отлучаться куда-либо царь просто не мог, ему и без того надо было бы появляться одновременно в нескольких местах, чтобы «успокаивать» бунтовавших сатрапов, это уже был не тот великодушный юный Александр, этот казнил направо и налево. Ведь своими бунтами они мешали ему наслаждаться собственным величием. Часто с ним случались припадки бешенства, отягощенные беспробудным пьянством. Во время одного из них он даже убил своего молочного брата Кратера. Постоянно устраивались состязания, кто кого перепьет. После одного из таких «состязаний» похмельный синдром не смогли преодолеть 41 человек.

В марте 324 года до н. э. в Вавилоне собралась вся армия Александра Македонского. Неарх также находился там и продолжал строить флот. В 323 году до н. э. был предпринят разведывательный поход в Гирканию (южная оконечность Каспийского моря), Александр послал туда Гераклида, сына Аригея. И там царь тоже хотел создать укрепленный военно-морской пункт. Его воины должны были рубить лес в Гирканских горах и строить военные корабли по греческому образцу. Заодно воины Аригея должны были выяснить, с каким морем связано Гирканское (Каспийское) море. Намечалось основать новые колонии в Иране и создать торговые фактории с крупным городом во главе. Но практического продолжения эта экспедиция не имела.

В планы Александра Македонского также входило основание новой Финикии, хотя он окончательно не решил, где раскинется вторая Финикия – на Каспийском побережье или на островах Персидского залива. Для изучения и освоения Аравийского полуострова были предприняты походы в трех направлениях. Мореплаватель Архий из Пеллы повел суда в Персидский залив и доплыл до неизвестных островов, которые назвал Тилос. По преданию, эти острова – теперь Бахрейнские – открыл капитан Бахиас. Мореплаватель Андросфен прошел вдоль небольшой части полуострова. А Гиерону из Сол предстояло выполнить особо трудную задачу: он должен был на тридцативесельных кораблях обогнуть весь Аравийский полуостров до Египта и следовать в Суэцкий залив. Гиерон проплыл вдоль значительной части Аравии – в его сообщениях сказано, что полуостров поразил его своей величиной, будучи немногим меньше земли индов, и тем, что глубоко вдается в Великое море, – и вернулся обратно. Известно, что его заставило не выполнить приказ: в море всякое бывает.

Это были только пробные экспедиции перед осуществлением грандиозных планов Македонского. Не зря же еще один флот строился, предположительно около 323 года до н. э., в Финикии, Сирии, Киликии, на Кипре, а собирали его в Вавилоне. Такого числа военных кораблей не было еще ни в одной державе Древнего мира.

И вся эта армада во главе с Неархом вдруг как сквозь землю провалилась. Прощальный пир у Неарха оказался предпоследним в жизни великого завоевателя земли. Александр умер 10 июля 323 года до н. э. Чуть ли не на следующий день армада его кораблей, получившая приказ идти в Персидский залив для предстоящего завоевания арабов, исчезла – бесследно, навсегда.

Флот не принимал участия в коалиционных войнах наследников Александра – диадохов. Неарх не стал одним из претендентов на наследство, оставаясь сатрапом Ликии и Памфилии. Известно лишь, что в качестве претендента на македонский престол он выставил Геракла – внебрачного сына Барсилы, вдовы Мемнона. Есть, правда, еще одно неясное сообщение древних: имя Неарха будто бы всплыло рядом с именем диадоха Антигона в каком-то скромном звании. Однако его дальнейшая судьба древних историков, как и позднейших, не заинтересовала.

И это тем более странно, что в войнах диадохов между собой флот играл важную роль. Судьба наследия Александра зависела от морских сражений, а Неарх был командующим флотом. В 322 году до н. э. в морской битве с Афинами в Дарданеллах, при Абидосе, македонцы разбили афинян. Но подробности победы неизвестны. Какой флот участвовал в битве? Может

быть, тот, который был создан во время борьбы за Тир в 332 году до н. э. Это были финикийские и кипрские корабли, а возможно, и с Родоса. В 316 году до н. э. Антигон пытался склонить Родос и Кипр на свою сторону. На островах всегда было много кораблей. Возможно, всю армаду разобрали по гаваням и верфям недавней империи Александра. Но не в один же день. А Неарх больше никого не побеждал в морских битвах. Скоро он исчез точно так же, как и его флот.

Над исчезновением флота голову не ломали до XX века, когда американский ученый Глэдвин выдвинул первую, но, в сущности, не единственную теорию его дальнейшей судьбы. Основанием теории послужили археологические открытия в Америке. На древних перуанских вазах были обнаружены изображения людей в греческих шлемах. В Мексике также нашли скульптуры бородатых людей европеоидного облика. Греческие шлемы были и на рисунках, украшавших индейские пирамиды (племя мочика). Индейцы этого племени носили головные уборы – прочные, плетеные, с изогнутым гребнем, повторявшие форму шлемов воинов Македонского. Индейцы Панамы, Колумбии, Перу и Соломоновых островов играли на свирелях, любимом инструменте бога Пана. И у всех свирелей была одна тональность. В древнемексиканском ткацком станке было то же количество деталей, как и у станка древних греков-эллинов.

Выдвинутая Глэдвином теория для науки того времени оказалась преждевременной и вызвала дружный отпор. Ссылаться на американских индейцев – занятие бесполезное и бессмысленное. У многочисленных индейских племен наблюдается поразительная пестрота в архитектуре, типах жилищ, счете, письме. Так что найти местное объяснение и шлемам, и ткацким станкам, и изображениям на вазах и на стенах пирамид – для науки более серьезно и почетно, нежели выдвигать экстравагантные теории. Второе обстоятельство против утверждений Глэдвина – временное. Перуанские сосуды с изображениями воинов в греческих шлемах датируются 400–800 годами н. э. Мексиканские фигурки бородатых людей на 600 лет старше флота Неарха. Одно из изображений якобы европеоида на самом деле является изображением... ягуара. Нет, все эти изображения древних имеют только местные корни.

Глэдвин вновь начал собирать доказательства, взяв себе в помощь еще одного увлеченного энтузиаста – антрополога Э. Хутона. Ученые попытались нащупать вехи дальнего пути древних мореходов. Они предположили, что одним из пунктов маршрута кораблей Неарха была Папуа – Новая Гвинея, так как среди ее коренного населения антрополог обнаружил людей, похожих на европеоидов. Таковые точно должны были присутствовать в армии Александра Македонского. Вопрос остался открытым – ведь с IV века до н. э. до XX века любые такие следы должны были бы раствориться в местном потомстве. К тому же Э. Хутону, видимо, было неизвестно, что за три поколения до его открытия европеоидных папуасов на этих островах несколько лет прожил российский этнограф Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Такое объяснение антропологического чуда Хутону не могло прийти в голову.

Тем не менее Глэдвин упорно собирал доказательства и собрал их сотни.

Ученый выстроил собственный маршрут кораблей Неарха. Это был путь флота на восток, вдоль берегов Южной Азии. Две остановки в Индии – у Южной оконечности полуострова, потом на его восточном побережье. Далее флот пошел к Бирме, потом на юг, вдоль Малаккского полуострова, на его юге вновь повернув на восток. И оттуда – вдоль северного берега Суматры, через пролив – к Индонезии, потом к Новой Гвинее и островам Полинезии. В конце концов доплыли до Нового Света и высадились на тихоокеанском побережье Центральной или Южной Америки.

Если вспомнить трудности, с которыми Александр и Неарх столкнулись всего лишь в плавании по Инду к морю, то догадка Глэдвина действительно кажется нереальной. Даже если с Неархом в Америку плыли десятки тысяч людей (в индийском плавании их было восемь тысяч), вряд ли у многих были шансы добраться до Нового Света.

Глэдвин решал эту задачу так. Экипажи кораблей постоянно пополнялись за счет населения тех стран, мимо которых двигался флот. В первую очередь он пополнился в Индии, где, вероятно, еще было много воинов Александра или тех, кто служил им. Но все равно люди старели, корабли разбивались, а новые вряд ли строились. Тем не менее старых и больных моряков сменяли молодые, а кораблей было так много, что какая-то часть их просто не могла не уцелеть. К слову сказать, корабли флота Неарха были построены из ливанского кедра и вавилонского кипариса, а поскольку являлись боевыми, то были еще и обшиты медными листами против таранов. Крепче тогда ничего не делали.

Когда кораблей стало маловато, флот видоизменился, появились каноэ. Они сейчас известны в Малабаре, в Бирме. Это не местное изобретение. Постаревшие моряки союзной армады народов Средиземноморья высаживались и оставались на новооткрытых землях, а путь продолжала молодежь из Южной и Юго-Восточной Азии и крепкие старики, которых гнали дальше любопытство и жажда увидеть все. Греческие шлемы на жителях Гавайев поразили еще капитана Кука. Поход продолжался, по Глэдвину, 25 лет. Только в 300 году до н. э. он завершился на тихоокеанском побережье Нового Света.

Собственно, в теории Глэдвина нет ничего необычного. Достаточно вспомнить историю «Баунти», когда спасавшиеся английские пираты многие годы жили среди аборигенов Индийского океана, и, несмотря на неутомимые поиски, след их обнаружили почти случайно. Понятно, что среди аборигенов с тех пор стали рождаться дети с рыжими волосами.

Но все-таки в теории Глэдвина уязвимых мест слишком много. Фантастическая часть его теории явно преобладала над корректно-научной. И от нее отказались, посмеявшись. Но после Глэдвина археологи стали обнаруживать странные находки в самых неожиданных местах. Например, в Австралии. Сегодня доказано, что в Австралию плавали египтяне, начиная свой путь от Красного моря, используя океанические течения, которые относили их барки к Индии, Юго-Восточной Азии и Яве. А в Австралии, если попадали туда, они вынужденно поселялись навсегда.

У некоторых племен северо-западного Кимберли были обнаружены общие признаки с египтянами – лингвистические и антропологические. В Центральном Квислинде найдена серия иероглифов архаического средиземноморского мира, еще догреческой эпохи. На древних китайских картах разглядели очертания северных берегов Австралии. В пяти милях от Сиднея нашли корабельный плотницкий топор с древнеегипетского судна. В Центральной Австралии местные племена используют лексику древнеегипетского языка и повторяют легенду: однажды из-за моря пришли к ним люди и захотели жить с ними. Принесли свою религию и обычаи, настолько красивые и умные, что до сих пор в Северной Австралии и на островах Торресова пролива покойников хоронят в лодках с соблюдением элементов древнего ритуала египтян. И в Индонезии, и в Австралии найдены изображения египетской барки.

Есть, как ни странно, и обратные связи. После исследования древнеегипетской мумии, хранящейся в Британском музее, выяснилось – покойника бальзамировали с применением эвкалиптового масла. Эвкалипты тогда росли только в Австралии.

Получается, флот Македонского вполне мог пройти упомянутый маршрут, стоит только целенаправленно поискать его остатки, а не довольствоваться случайными находками (многие из которых могут быть либо фальшивыми, либо специально подброшенными). А может быть, Александр в предчувствии смерти завещал Неарху разнести славу его имени по всему неведомому миру?

Но более привлекательна другая гипотеза относительно судьбы флота, также не имеющая археологических подтверждений. В прессе периодически мелькают сообщения о том, что на побережье Восточной Африки то тут, то там находят эллинистические вещи в слоях того же времени. Однако ни одного серьезного профессионального доклада на эту тему не было.

И все-таки точно известно, что был приказ выступить на Аравию и далее, обогнув Африку, вернуться в Грецию через Гибралтар. Никто теперь не поручится за то, что приказ не был выполнен. До греков Африку только один раз огибали финикийцы. Сведения об увиденном по пути они, как стратегическую ценность, хранили в тайне. Так как больше они в эту авантюру не пускались, можно заключить, что ничего ценного для себя они во время похода не обнаружили. Но греки и македонцы этого знать не могли. Как не могли они знать и того, что их ждет в тех морях.

А ведь есть одно место, в буквальном смысле кладбище кораблей, по иронии судьбы названное мысом Доброй Надежды. Открывший его португалец Б. Диаш назвал его более точно – мыс Бурь, ибо в этом месте сливаются воды Индийского и Атлантического океанов. Именно здесь, вероятнее всего, следует искать пропавший флот Александра Македонского. Правда, работа эта не из легких. Большую часть кораблей могло выбросить на берег (греки всегда плавали вдоль него), и никаких материальных останков уже не найти. Затонувшие же глубоко увязли в песке или разбиты и погребены под обломками своих несчастных последователей.

Чингисхан и его империя

*Государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием,
либо милостью судьбы, либо доблестью.*

Никколо ди Бернардо Макиавелли

Близится 860-летний юбилей «потрясателя Вселенной», получившего после взятия Бухары еще одно прозвище – «Бич божий» и признанного ЮНЕСКО «величайшим полководцем двух тысячелетий».

Монгольская империя – государство, сложившееся в XIII веке в результате завоеваний Чингисхана и его преемников и включавшее в себя самую большую в мировой истории смежную территорию от Дуная до Японского моря и от Новгорода до Юго-Восточной Азии со столицей государства Каракорумом, в период расцвета включало обширные территории Центральной Азии, Южной Сибири, Восточной Европы, Ближнего Востока, Китая и Тибета. Площадь Монгольской империи составляла около 38 млн квадратных километров.

Сегодня личность могущественного властителя XIII века, его завоевательные походы и создание империи кочевников вызывают жаркие дискуссии, несмотря на сотни написанных книг, журнальных и газетных статей. Интерес к Чингисхану – человеку, политику и полководцу – никогда не затухал, а споры ученых подогреваются все новыми гипотезами и археологическими находками.

Чингисхан – одна из самых противоречивых личностей в истории. С одной стороны, его почитают как великого монгольского лидера, который впервые смог объединить извечно враждовавшие между собой монгольские племена; человека, сумевшего создать мощнейшую армию, с которой по тем временам не могла сравниться ни одна армия мира; человека, основавшего древнюю монгольскую столицу в Каракоруме.

Но с другой стороны, мы знаем его как великого и жестокого полководца и кровожадного тирана, который мог уничтожать без зазрения совести целые народы. В истории сохранилось описание того, как войска Чингисхана захватывали Пекин. После длительной осады города, за время которой от голода и болезней погибли десятки тысяч жителей столицы Китая, Чингисхан взял город и отдал его на разграбление своим солдатам. Летописцы описывают страшные зверства монголов, которые могли заживо сжигать людей в их домах или варить их в кипятке на улицах и площадях за то, что они в свое время не сдались армии Чингисхана. Даже через год, пишет один из летописцев, улицы древнего Пекина были покрыты слоем человеческого жира и обгоревшими костями. Однако для самого Чингисхана такие вещи были вполне обыденными, и он не чувствовал никаких угрызений совести за свои деяния вплоть до самой своей кончины в 1227 году.

Главная его загадка заключается в том, что его соратники без всяких колебаний согласны были отдать за вождя свою жизнь. Они верили, что в этом случае верховный монгольский бог – Тенгри – простит им все их преступления. Авторитет вождя перекрывал страх смерти. Волнами они шли на врага, пока не добивались того, что требовал от них повелитель.

Как Чингисхан сумел создать великую империю, привить своему народу такое чувство преданности и какие еще тайны хранила эта великая и незаурядная личность, мы и попытаемся понять.

Будущий полководец родился в 1162 году (по некоторым источникам в 1155-м). Его отцом был вождь монгольского племени тайчжиутов Есугей-багатур. Он выкрал мать Чингисхана – Оэлун – у предводителя враждебного племени меркитов, когда-то населявшего территорию современной Бурятии. Тот пообещал отомстить. Так два племени стали смертельными врагами.

Первенца Есугея и Оэлун называли Темучжин, он оказался обречен вечно быть героем слухов. Хотя Есугей признал его своим, тем не менее, «злые языки» утверждали, что ребенок – «меркитское отродье». Ведь тогда никто не мог установить отцовство.

В 9 лет Темучжин был обручен с дочерью вождя соседнего племени по имени Бортэ – дочерью Дэй-сечена (Дай-нойона) из рода унгират (кунгират) и его жены Цотан.

Согласно «Сокровенному сказанию», первоначально отец Темучжина Есугей собирался взять ему невесту из олхонутского племени, из рода своей жены Оэлун. Случайно встреченный Дэй-сечен предложил посватать свою одиннадцатилетнюю дочь Бортэ, бывшую на 2 года старше Темучжина. Девочка понравилась Есугею, он оставил сына «в зятях» и уехал. По предсмертной просьбе Есугея его друг и родственник Мунлик забрал Темучжина домой, объяснив это тем, что Есугей скучает по первенцу. А вот по рассказу Рашид-ад-Дина в «Сборнике летописей», отец Бортэ, напротив, препятствовал сватовству, а ее младший брат Алчи старался, чтобы сестру отдали за Темучжина.

Темучжин, первенец вождя, рано остался без отца. Есугей был отравлен врагами, и тайчиуты отказались признать власть наследника. Их очень беспокоила меркитская кровь, которая, возможно, текла в Темучжине.

Сначала племя обрекло Оэлун вместе с детьми на голодную смерть. А потом ребенок, который в будущем мог жестоко отомстить за предательство, был взят в плен племенем тайджиудов, закован в колодки... Однако мальчик выжил, несмотря ни на что ему удалось бежать и заручиться поддержкой Тогрула – правителя христианского племени кераитов, кочевавшего по Центральной Монголии.

Несколько лет спустя, после спасения из тайджиутского плена, Темучжин разыскал стойбище унгиратов и взял Бортэ в жены. Известно, что «покоритель вселенной» не просто любил Бортэ, но и по-настоящему глубоко уважал. У него было много жен и наложниц, но только общие сыновья Темучжина и Бортэ – Джучи, Чагатай, Угэдэй, Тулуй – наследовали обширную монгольскую империю. Бортэ также была матерью и пяти дочерей Темучжина-Чингисхана (Фуджин-беги, Чичиган, Алагай-беги, Тумалун, Алталун).

Однако именно после того, как Темучжин привез в свое стойбище Бортэ, меркиты решили отомстить за нанесенные когда-то им обиды: кровь за кровь, невеста за невесту. Они украли жену Темучжина и отправили ее в самые далекие свои владения.

Темучжин в этой ситуации мог бы и смириться. Мало ли воровали в степи приглянувшихся женщин. Он мог затаить обиду и ждать своего часа для мести, как делали это похитители. Но он поступил по-другому.

Будущий полководец обратился к своему другу и названному брату – сильному вождю небольшого монгольского племени джаджират хану Джамухе и предводителю кераитов Тогрулу. Именно с их помощью будущий великий хан смог вызволить похищенную.

Джамуха, кстати, долго отнекивался, не понимая, почему он должен рисковать жизнью своих воинов ради самой обыкновенной женщины. Но в конце концов сдался: будущий великий «потрясатель Вселенной» мог быть очень убедительным.

Интересен тот факт, что это мать Бортэ, Цотан, подарила дочери соболью доху, впоследствии преподнесенную Темучжином Тогрулу-Ван-хану, таким образом Темучжин напомнил о побратимстве Есугея и хана кераитов. Этот шаг очень помог Темучжину, когда меркиты похитили Бортэ.

В этой «Троянской войне на Селенге» (по выражению Л. Н. Гумилева) Темучжин вместе с кареитами и Джамухой разгромил меркитов и освободил Бортэ.

Итак, Бортэ удалось отбить, хотя Темучжину пришлось смириться со слухами о том, что его первый сын, Джучи, также является меркитом по крови.

Но Рашид-ад-Дин передает другую версию событий: меркиты захватили Бортэ и отослали к Ван-хану, который «сохранил ее за завесой целомудрия» и отправил обратно к Темучжину.

Этот поступок привлек к Темучжину первых соратников. Они увидели, что он способен, нарушая древние степные законы, во что бы то ни стало защищать свою семью. Не все хотели мириться с тем, что их жен могли похитить. И шли за новым вождем. Постепенно Темучжин начал восстанавливать власть над племенем своего отца.

Костяк его новой армии – орды – составили так называемые «люди долгой воли». Это были изгнанные из своих родов воины, которым нечего было терять. Как и Темучжин, они познали голод и бессилие и стремились доказать старым богатым и могущественным племенам, что они тоже сила. Это были этакие сбившиеся в агрессивную стаю степные дворняги. В 1182 году они провозгласили своего вождя Чингисханом («вселенским ханом»), «избранным Вечным синим небом».

Именно тогда назрел конфликт с Джамухой. Темучжин и Джамуха были друзьями с детства, однако потом по неизвестным причинам между названными братьями произошел раскол. Большинство исследователей сходится во мнении, что причиной охлаждения и даже начала вражды между двумя друзьями стал эгоизм и властные амбиции Джамухи, ведь именно в этот период монгольские племена одно за другим признают Темучжина великим правителем степи.

В 1187 году между ними произошла решающая битва. Джамуха напал на Чингисхана, когда тот со своей ордой шел маршем. За воинами тянулись многочисленные повозки, в которых находились жены и скарб ордынцев. Можно было бы бросить все это и ускакать в степь, оставляя богатую добычу противнику. Но Темучжин еще раз показал, что он готов защищать новые принципы. Он приказал женщинам следовать в безопасное место, а сам с воинами остался их прикрывать... Более многочисленные отряды Джамухи разгромили войска Чингисхана. Он сам попал в плен и был продан в рабство. А его ближайшие сторонники были просто сварены живьем. Но когда Темучжину удалось вернуться в Монголию, он уже без труда набрал себе новых воинов. Все хотели жить по новому закону и все искали помощи у Чингисхана. Джамуха был повержен.

В начале XIII века, в 1202–1203 годах, которые были переломными для ситуации в степи, монголы разбили сначала меркитов, а затем и кераитов. Дело в том, что кераиты разделились на сторонников Чингисхана и его противников. Противников Чингисхана возглавил сын Ван-хана, законный наследник престола – Нилха. У него были основания ненавидеть Чингисхана: еще в то время, когда Ван-хан был союзником Чингисхана, вождь кераитов, видя неоспоримые таланты последнего, хотел передать ему кераитский престол, обойдя собственного сына. Столкновение этой части кераитов с монголами произошло еще при жизни Ван-хана. И хотя кераиты имели численное превосходство, монголы разбили их благодаря тому, что проявили исключительную мобильность и захватили противника врасплох.

В столкновении с кераитами в полной мере проявился характер Чингисхана. Когда Ван-хан и его сын Нилха бежали с поля боя, один из их нойонов с небольшим отрядом задерживал монголов, спасая своих вождей от плена. Этого нойона схватили, привели пред очи Чингисхана, и тот спросил: «Зачем же ты, нойон, видя положение своих войск, сам не ушел? У тебя же были и время, и возможность». Тот ответил: «Я служил своему хану и дал возможность ему убежать, а моя голова – для тебя, о победитель».

Чингисхан сказал: «Надо, чтобы все подражали этому человеку. Смотрите, как он смел, верен, доблестен. Я не могу тебя убить, нойон, я предлагаю тебе место в своем войске». Нойон стал тысячником и, конечно, верно служил Чингисхану, потому что кераитская орда распалась. Сам Ван-хан погиб при попытке бежать к найманам. Их стражники на границе, увидев кераита, убили его, а отрубленную голову старика поднесли своему хану.

В 1204 году произошло столкновение монголов Чингисхана и могущественного найманского ханства. И вновь победу одержали монголы. Побежденные были включены в состав орды Чингиса. В восточной степи больше не нашлось племен, способных активно сопротивляться новому порядку, и в 1206 году на великом курултае Чингис был вновь избран ханом, но уже всей Монголии, все монгольские племена признали власть «великого вселенского хана»... Так родилось общемонгольское государство. Начинался золотой век империи.

Единственным враждебным Чингисхану племенем оставались старинные враги Борджигинов – меркиты, но и те к 1208 году оказались вытесненными в долину реки Ирғиз.

Растущая сила Чингисхана позволила его орде довольно легко и плодотворно ассимилировать разные племена и народы. Потому что, в соответствии с монгольскими стереотипами поведения, хан мог и должен был требовать покорности, повиновения приказу, выполнения обязанностей, а вот требовать от человека отказа от его веры или обычаев считалось аморальным – за индивидом оставалось право на собственный выбор. Такое положение многих привлекало. В 1209 году государство уйгуров прислало к Чингисхану послов с просьбой принять их в состав его улуса. Просьбу, естественно, удовлетворили, и Чингисхан дал уйгурам огромные торговые привилегии. Через Уйгурию шел караванный путь, и уйгуры, оказавшись в составе монгольского государства, разбогатели за счет того, что по высоким ценам продавали воду, фрукты, мясо и «удовольствия» изголодавшимся караванщикам. Добровольное соединение Уйгурии с Монголией оказалось полезным и для монголов. С присоединением Уйгурии монголы вышли за границы своего этнического ареала и соприкоснулись с другими народами Ойкумены.

В 1210 году разразилась война с чжурчженями. Чжурчженьские полководцы талантами не уступали монгольским, но не имели войск, подобных войскам Чингисхана. Чжурчжени терпели поражения, но боролись упорно – война продолжалась очень долго и закончилась только в 1234 году, уже после смерти Чингисхана, взятием последних твердынь империи Цзинь – Кайфына и Цайчжоу. В Кайфыне отчаянно сопротивлявшиеся чжурчжени умирали от голода. Они настолько ослабели, что не могли держать в руках оружие. Когда же им предложили сдаться, то воины сказали: «Пока в крепости есть мыши, мы их ловим и едим, а если их не будет, то у нас есть жены и дети, мы будем есть их, но не сдадимся».

В 1216 году на реке Ирғиз монголы наголову разбили остатки меркитов, но сами подверглись нападению хорезмийцев. Хорезм к тому времени был самым мощным из государств, возникших после ослабления державы турок-сельджуков. Властители Хорезма из наместников правителя Ургенча превратились в независимых государей и приняли титул «хорезмшахов». Они оказались энергичными, предприимчивыми и воинственными. Это позволило им завоевать большую часть Средней Азии и Южный Афганистан. Хорезмшахи создали огромное государство, в котором основную военную силу составляли тюрки из прилегавших степей.

Но государство оказалось непрочным, несмотря на богатства, храбрых воинов и опытных дипломатов. Режим военной диктатуры опирался на чуждые местному населению племена, имевшие другой язык, нравы и обычаи. Нельзя сказать, что разными были и религии, так как представление о религии у солдат-тюрок было крайне аморфное. Но жестокость наемников вызвала недовольство жителей Самарканда, Бухары, Мерва и других среднеазиатских городов. Восстание в Самарканде привело к тому, что тюркский гарнизон был уничтожен, причем тюрок местные жители рвали на части. Естественно, за этим последовала карательная операция хорезмийцев, которые жесточайшим образом расправились с населением Самарканда. Также пострадали другие крупные и богатые города Средней Азии.

В этой обстановке хорезмшах Мухаммед решил подтвердить свой титул «гази» – «победитель неверных» – и прославиться очередной победой над ними. Случай представился ему в том самом 1216 году, когда монголы, воюя с меркитами, дошли до Ирғиза. Узнав о приходе

монголов, Мухаммед послал против них войско на том основании, что степняков необходимо покорить вере.

Хорезмийское войско обрушилось на монголов, но они в арьергардном бою сами перешли в наступление и сильно потрепали врагов. Только атака левого крыла, которым командовал сын хорезмшаха, талантливый полководец Джелал-ад-Дин, выправила положение. После этого хорезмийцы отошли, а монголы вернулись домой: воевать с Хорезмом они не собирались, напротив, Чингисхан всеми силами хотел наладить отношения с хорезмшахом. Ведь через Среднюю Азию шел Великий караванный путь, и все владельцы земель, по которым он пролегал, богатели за счет пошлин, выплачиваемых купцами. Купцы охотно платили любые пошлины, потому что расходы они неизменно перекладывали на покупателей, сами при этом ничего не теряя. Желая сохранить все преимущества, связанные с караванным путем, монголы стремились к покою и миру на своих рубежах. Различие вер, по их мнению, повода к войне не давало и оправдать кровопролития не могло. Вероятно, и сам хорезмшах понимал эпизодичность столкновения на Иргизе. В 1218 г. Мухаммед направил в Монголию торговый караван. Мир был восстановлен, тем более что монголам было не до Хорезма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.